Библіотека „Свободная Россія".

Подъ общей редакціей С. П. Мельгунова и П. М. Шестакова.

Изданіе Е. В. Кожевниковой и Е. А. Коломійцевой.

№ 1. Германія въ 48-мъ году. Состав. М. Н. Андреевъ. Ц. 20 коп. — **№ 2. М. М. Богословскій.** Изъ исторіи верховной власти въ Россіи. Ц. 10 коп. — **№ 3. С. Ѳ. Фортунатовъ.** Основныя начала англійской конституціи. Ц. 10 коп. — **№ 4. И. Н. Игнатовъ.** Печать во Франціи въ прошломъ и настоящемъ. Ц. 20 коп. — **№ 5. П. Н. Милюковъ.** Демократизмъ и вторая палата. Ц. 10 коп. — **№ 6. И. А. Петровскій.** Всеобщее избирательное право и системы выборовъ. Ц. 10 коп. — **№ 7. А. Н. Максимовъ и С. Ѳ. Фортунатовъ.** Одна или двѣ палаты? Ц. 10 коп. — **№ 8. В. Г. Короленко.** Трагедія Ковалева и нравы военной среды. Ц. 10 коп. — **№ 9. А. С. Пругавинъ.** Вопіющее дѣло. Ц. 10 коп. — **№ 10. И. Н. Игнатовъ.** Изъ исторіи рабочаго движенія во Франціи. Ц. 10 коп. — **№ 11. Проф. М. Н. Соболевъ.** Экономическіе интересы и группировка политическихъ партій въ Россіи. Ц. 10 коп. — **№ 12. Д. Самойловъ.** Революція 48-го года во Франціи. Ц. 15 к. — **№ 13.** Къ исторіи декабристовъ. Ц. 10 к. — **№ 14. Бѣлоруссовъ.** Изъ пережитаго. Ц. 20 коп. — **№ 15. М. М. Богословскій.** Бытъ и нравы русскаго дворянства въ первой половинѣ XVIII в. Ц. 15 коп. — **№ 16. А. С. Бѣлевскій.** Земельный вопросъ и націонализація земли. Ц. 20 коп. — **№ 17. В. Е. Якушкинъ.** Крестьянская реформа 1861 г. и русское общество. Ц. 10 коп. — **№ 18. М. М. Богословскій.** Конституціонное движеніе въ 1730 г. Ц. 10 коп. — **№ 19. С. Ѳ. Фортунатовъ.** Права гражданина въ Англіи и С.-Американскихъ Соед. Штатахъ. Ц. 6 коп. — **№ 20. Ю. Подвинскій.** Конституція Царства Польскаго и ея судьба (1815—1830). Ц. 15 коп. — **№ 21. А. И. Чупровъ.** Аграрная реформа и ея вѣроятное вліяніе на сельскохозяйственное производство. Ц. 10 коп. — **№ 22. А. И. Чупровъ.** Мелкое земледѣліе въ Россіи и его основныя нужды. Ц. 15 коп. — **№ 23. А. И. Чупровъ.** Агрономическая помощь населенію въ Италіи. Ц. 15 к. — **№ 24. В. П. Алексѣевъ.** Начало и конецъ самодержавія. Ц. 15 коп. — **№ 25. А. И. Чупровъ.** Реформа земледѣлія въ Италіи. Ц. 15 коп. — **№ 26. А. К. Дживелеговъ.** Крестьяне въ революціяхъ 1848 года. Ц. 10 коп. — **№ 27. Проф. А. И. Чупровъ.** Къ вопросу объ аграрной реформѣ. Ц. 15 коп. — **№ 28. Ѳ. Ѳ. Нелидовъ.** Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Ц. 1 р. 50 к. — **№ 29. Л. М. Родіоновъ.** Правовое государство (общедоступные очерки по государственному праву). Ц. 35 к. — **№ 30. В. П. Алексѣевъ.** Первый Россійскій парламентъ. Ц. 15 к.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ СЕРІЯ.

№ 1. Какъ народъ добился манифеста 17-го октября, и что манифестомъ обѣщано народу. Ц. 1 к., сотня 50 к. — № 2. Е. А. Звягинцевъ. О земствѣ, и какъ его нужно устроить для пользы всего народа. Ц. 10 к. — № 3. А. А. Титовъ. Крѣпостное право, его отмѣна и судьба крестьянства до нашихъ дней. Ц. 15 к. — № 4. А. Быкова. Армія и полиція въ Англіи. — № 5. Н. М. Катаевъ. Что такое патріотизмъ. — № 6. Е. А. Звягинцевъ. Какъ нужно преобразовать наши городскія думы и управы. Ц. 10 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

Москва, Кудринская площадь, д. Курносовыхъ, кв. 21, телеф. 32—21. Книжный магазинъ „Трудъ" (Москва, Тверская 38, и Петербургъ, Невскій, 60) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Т-ва И. Д. Сытина.

Книгопродавцамъ 30% уступки.

№ 39.

Изданіе „Народное право“.

С. Мельгуновъ.

28914 инв.

Старообрядцы и свобода совѣсти.

2
М. 48.

(Историческій очеркъ.)

Цѣна 20 коп.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1907.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

I. Значеніе старообрядчества въ народной жизни.

Двѣсти пятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ отдѣлились старообрядцы отъ господствующей церкви. Между самими старообрядцами за это долгое время произошло раздѣленіе на толки. Но какъ ни различны между собой эти толки и согласія — ихъ всѣхъ объединяютъ общіе старообрядческіе интересы и нужды. Не могутъ не чувствовать единства тѣ, которыхъ правительство безъ различія толка жестоко преслѣдовало за все истекшее время. И старообрядцы образовали въ Россіи какъ бы отдѣльный народъ.

До послѣдняго времени старообрядцы принимали мало участія въ политической жизни страны; ихъ вниманіе главнымъ образомъ сосредоточивалось на религіи, но жизнь и ихъ теперь захватила. Благодаря своей сплоченности старообрядцы могутъ оказывать большое вліяніе на ходъ государственной жизни, особенно теперь, когда народные представители призваны рѣшать государственныя дѣла. Помимо сплоченности старообрядческаго общества, уже одна численность ихъ въ Россіи имѣетъ огромное значеніе. По даннымъ, добытымъ еще въ 1898 г. всеобщею переписью населенія Россіи, и по свѣдѣніямъ духовнаго вѣдомства старообрядцевъ числилось въ то время 1.343.000. Но эта цифра даетъ совершенно невѣрное представленіе о дѣйствительномъ количествѣ старовѣ-

ровъ. Число ихъ значительно больше. Въ то время какъ по правительственнымъ свѣдѣніямъ всѣхъ уклонившихся отъ господствующей церкви и старообрядцевъ, и сектантовъ, насчитывается 2.137.738, частные изслѣдователи, напримѣръ А. С. Пругавинъ и др., число это доводятъ до *20 милліоновъ*![1]).

Правительственныя свѣдѣнія въ 90-хъ годахъ, даже во время всеобщей переписи населенія, не могли дать точныхъ данныхъ. Вспомнимъ, что и въ это недавнее отъ насъ время старообрядцы подвергались преслѣдованіямъ и многіе, у которыхъ не хватало мужества, предпочитали скрытно принадлежать къ старовѣрію, офиціально же числясь членами государственной церкви. Полицейскія власти, на обязанности которыхъ лежало веденіе метрическихъ книгъ, часто злоупотребляли своею властью: исконные старообрядцы, иногда даже лица, завѣдомо состоящія священниками у старообрядцевъ, записывались членами государственной церкви. Иногда это дѣлалось нарочно; государству, которое возложило на себя обязанность охранять неприкосновенность вѣроисповѣданія, объявленнаго имъ господствующимъ, вовсе невыгодно было показывать число отколовшихся отъ господствующей церкви. Наоборотъ, оно всячески стремилось показать, что число членовъ господствующей церкви увеличивается, число же старообрядцевъ уменьшается. Оно думало этимъ „успѣхомъ" возвеличить церковь, которую унижали полицейскія мѣры охраны. Правительство должно было показывать всегда уменьшенную цифру отпавшихъ — иначе ему пришлось бы сознаться въ полной непригодности для охраненія чистоты вѣры преслѣдованій и всякаго рода насилій.

[1]) См. его статью. „Два или 20 милліоновъ" въ книгѣ „Старообрядчество во второй половинѣ XIX вѣка".

Гораздо правѣе въ своихъ исчисленіяхъ частные изслѣдователи. Небольшая справка изъ прошлаго покажетъ намъ это наглядно. Число старообрядцевъ и сектантовъ сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ назадъ по правительственнымъ даннымъ опредѣлялось всего лишь въ 1.000.000. На основаніи нѣкоторыхъ фактовъ можно сказать, что данныя эти совершенно произвольны. Въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Перовскій призналъ необходимымъ произвести болѣе точное исчисленіе старообрядцевъ. Съ этой цѣлью въ разныя губерніи были посланы особые чиновники. Данныя, собранныя этими чиновниками, и показали всю невѣрность правительственныхъ свѣдѣній того времени. Напр., въ Ярославской губерніи по прежнимъ правительственнымъ даннымъ старообрядцевъ числилось всего 7454. Между тѣмъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ чиновниками Перовскаго, старообрядцевъ въ этой губерніи оказалось 278,417 человѣкъ, т.-е. въ *тридцать семь разъ болѣе*. И вотъ по таблицамъ, изданнымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 1863 году, въ концѣ концовъ оказалось, что старообрядцевъ не 1 милліонъ, а свыше восьми. И тогда же одинъ изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, много работавшій, по исторіи старообрядчества, Мельниковъ указывалъ, что въ этихъ таблицахъ есть крупное упущеніе — пропущено цѣлое „Спасово согласіе“, сильно распространенное во всѣхъ приволжскихъ губерніяхъ. Послѣдователей Спасова согласія Мельниковъ насчитывалъ до 2.000.000. Такимъ образомъ по даннымъ министерства внутреннихъ дѣлъ всего старообрядцевъ насчитывалось до 10 милліоновъ. Не надо забывать, что эти данныя шли, главнымъ образомъ, изъ правительственныхъ источниковъ и слѣдовательно во всякомъ случаѣ не увеличивали цифру

старообрядцевъ. Они, конечно, ихъ уменьшали, — такъ какъ наиболѣе гонимые укрывались постарому. Какъ это ни странно, но по прошествіи двадцати лѣтъ, въ 80-хъ годахъ, число старообрядцевъ по правительственнымъ даннымъ снова доходитъ всего лишь до одного милліона. Невѣрность этой цифры очевидна. Число старообрядцевъ за истекшее двадцатипятилѣтіе, конечно, не уменьшилось. Хотя во всеподданнѣйшихъ отчетахъ, представляемыхъ ежегодно оберъ-прокуроромъ Правительствующаго Синода, и говорится объ уменьшеніи числа старообрядцевъ и сектантовъ, однако даже правительственныя цифры противорѣчатъ этому утвержденію. Тѣхъ, кого въ 80-хъ годахъ насчитывалось лишь 1.000.000 въ 1897 г., какъ мы видѣли, насчитывалось уже 2.137.738. Въ 80-хъ годахъ частные изслѣдователи насчитывали старообрядцевъ и сектантовъ 13—14 милліоновъ.

Трудно, правда, установить точную цифру отколовшихся отъ господствующей церкви; это можно будетъ сдѣлать только тогда, когда въ Россіи прочно установится свобода вѣроисповѣданія и никто не будетъ бояться преслѣдованія, никто не будетъ считать необходимымъ скрываться отъ взора правительства. Можно одно лишь утверждать, что число старообрядцевъ значительно болѣе указанной правительствомъ цифры. За послѣднее время, послѣ объявленія указа о вѣротерпимости, число это увеличилось еще и тѣми, которые лишь по принужденію принадлежали ранѣе къ государственной церкви.

При такой массѣ старообрядцы, конечно, имѣютъ весьма важное значеніе въ жизни нашей страны, и особенно во время выборовъ въ Государственную Думу.

Въ виду значенія старообрядцевъ во время выборовъ, взоры многихъ обращаются къ нимъ. Обращаются къ нимъ

и взоры правительства, которое всѣми средствами старается создать такую Думу, которая сохранила бы выгодные лишь чиновникамъ старые порядки.

И вотъ, для того, чтобы привлечь на свою сторону старообрядцевъ, почти наканунѣ созыва второй Государственной Думы правительствомъ былъ изданъ новый законъ о старообрядцахъ — законъ 17 октября 1906 г. о старообрядческихъ общинахъ. Теперь какъ будто бы даны всѣ права старообрядцамъ! Отнынѣ должна наступить золотая пора для нихъ! Прошло безвозвратно время преслѣдованій! Старообрядцамъ остается лишь благодарить правительство и итти съ нимъ рука объ руку. Однако такъ ли это? Все ли въ дѣйствительности дано старообрядцамъ, что нужно, и не слишкомъ ли рано еще благодарить за данныя права? Будутъ ли на дѣлѣ старообрядцы пользоваться предоставленными правами, или, какъ и прежде было не разъ, эти права останутся лишь на бумагѣ? Можетъ ли быть у старообрядцевъ увѣренность, что время гоненій дѣйствительно исчезло навсегда, разъ въ Россіи будутъ господствовать попрежнему старые порядки? Обратимся къ прошлому, и въ этомъ прошломъ мы найдемъ отвѣтъ.

II. Первые годы и время Петра I.

Еще въ 1667 г. помѣстный соборъ духовенства господствующей церкви постановилъ подвергать „раскольниковъ“ не только церковному, но и гражданскому наказанію. И вотъ, потекли для старообрядцевъ долгіе годы самыхъ жестокихъ гоненій. Этими преслѣдованіями правительство хотѣло заставить старообрядцевъ отказаться отъ своихъ убѣжденій. Первые вожди старооб-

рядчества подверглись ссылкѣ въ Сибирь и тюремнымъ заключеніямъ. Но и здѣсь они находили возможность сноситься съ своими единомышленниками. Ученики и друзья ухитрялись проникать въ далекій Пустозерскъ, гдѣ были заключены первые старообрядческіе проповѣдники, и тамъ видѣться съ узниками. Несмотря на строжайшія запрещенія писать изъ заключенія, они обращались съ безчисленными посланіями къ своей паствѣ. Сама тюремная стража, проникшись уваженіемъ къ узникамъ, помогала въ разсылкѣ писемъ и посланій. И слово заключенныхъ, несмотря на запретъ, проникало во всѣ углы обширнаго московскаго государства, доходило оно и до Москвы. Чтобъ воспрепятствовать этому, правительство рѣшило прибѣгнуть еще къ болѣе жестокимъ мѣрамъ наказанія, и первымъ вождямъ старообрядчества, заключеннымъ въ Пустозерскѣ, Лазарю, Епифанію, Ѳедору были отрублены правыя руки и вырѣзаны языки. Самаго выдающагося проповѣдника того времени Аввакума посадили въ земляную тюрьму и держали на хлѣбѣ и водѣ. Но и это не воспрепятствовало сношеніямъ заключенныхъ съ единомышленниками.

Сырое подземелье, та могила, гдѣ жилъ „живой мертвецъ — какъ называлъ себя самъ Аввакумъ, — сдѣлалось мѣстомъ, куда обращалась съ запросами и за совѣтами вся Россія. Отсюда Аввакумъ писалъ посланія даже царю. И вотъ, въ 1681 г., когда умеръ тишайшій царь Алексѣй, отличавшійся кротостью, по словамъ современниковъ, новый царь Ѳеодоръ повелѣлъ „за великія на царскій домъ хулы“ сжечь пустозерскихъ узниковъ. 14 апрѣля 1682 года эта казнь совершилась [1]). Погибъ и „богатырь протопопъ“, который

[1]) См. нашу книжку: „Великій подвижникъ протопопъ Аввакумъ“.

умѣлъ своимъ убѣжденнымъ словомъ поддержать падавшихъ духомъ, который умѣлъ въ тяжелыя минуты жизни, въ минуты сомнѣній и колебаній утѣшить гонимыхъ.

Итакъ уже первые годы жизни старообрядчества омрачились кровавыми событіями. Первые вожди погибли мученической смертью, но это лишь поддерживало силу въ старообрядцахъ и внушало имъ увѣренность въ правотѣ своего дѣла. Насиліемъ нельзя бороться съ убѣжденіями. Правительство того времени этого не понимало, и оно въ концѣ концовъ оказалось безсильнымъ бороться съ тѣми, которые, отстаивая завѣты старины, были готовы жертвовать за нихъ своею жизнью. Старообрядчество не слабѣло, а лишь усиливалось. А вмѣстѣ съ этимъ усиленіемъ — росли и правительственныя гоненія. Грозная церковная анаѳема провозглашена была на всѣхъ придерживавшихся тѣхъ обрядовъ, которые всего еще нѣсколько лѣтъ назадъ держалась вся Россія, отъ царя и патріарха до послѣдняго нищаго. Эти преслѣдованія вызвали въ народѣ большія волненія. Ревнители старины обращались неоднократно къ правительству съ челобитными, прося дозволенія свободно отправлять богослуженіе по старымъ книгамъ. Но эти просьбы отвергались. Мѣстами поэтому вспыхивали открытыя возмущенія. 10 іюня 1667 г. начался знаменитый соловецкій бунтъ. Въ теченіе девяти лѣтъ правительственныя войска не могли взять Соловецкаго монастыря. Наконецъ, возмутившіеся были усмирены, и мятежъ былъ подавленъ самыми суровыми мѣрами. Черезъ нѣсколько лѣтъ вспыхнули стрѣлецкіе бунты. Къ вопросамъ вѣры здѣсь присоединилось и недовольство новыми государственными порядками. Стрѣльцовъ, среди которыхъ большинство принадлежало

къ старообрядцамъ, поддерживало и остальное населеніе, обремененное непосильными податными тяготами, подавленное крѣпостнымъ правомъ.

Первый стрѣлецкій бунтъ разразился въ 1682 году при царевнѣ Софьѣ, правившей государствомъ за малолѣтствомъ своихъ братьевъ, Ивана и Петра. Не чувствуя себя сильнымъ, правительство принуждено было уступить. Ослабѣли преслѣдованія старообрядцевъ. 5 іюля 1682 года въ Грановитой палатѣ были устроены даже всенародныя пренія о вѣрѣ [1]). Правительство изъ боязни новаго возмущенія, заискивало передъ стрѣльцами, а стрѣльцы требовали прекращенія гоненій за вѣру; они требовали, чтобы патріархъ передъ всѣмъ народомъ открыто повѣдалъ, почему онъ ревнителей старой вѣры „проклятію предаетъ и въ далекія заточенія засылаетъ. А Соловецкій монастырь вырубить повелѣлъ и за ребра перевѣшать и на морозѣ переморозить“.

Вскорѣ правительству Софьи удалось разъединить стрѣльцовъ путемъ подкуповъ и подговоровъ. Стрѣльцы выдали зачинщиковъ, которые были или казнены, или отправлены въ далекую ссылку. Казненъ былъ и священникъ Никита, прозванный господствующей церковью Пустосвятомъ, который выступалъ отъ имени ревнителей старины во время преній въ Грановитой палатѣ.

Послѣ этого Софья круто измѣнила свое поведеніе. На старообрядцевъ вновь обрушились самыя жестокія преслѣдованія. 7 апрѣля 1685 г. правительницей были изданы суровые законы, повелѣвавшіе всѣхъ упорныхъ ревнителей старой вѣры хватать и, если они не покорятся,.... жечь въ срубахъ! Даже раскаивавшихся и отступившихъ отъ прежней вѣры повелѣвалось бить

[1]) Подробное объ этомъ времени см. нашу книжку: „Прошлое старообрядцевъ“ Вып. III. 1) Подъячій-Докукинъ 2) Стрѣлецкій бунтъ.

кнутомъ и ссылать въ далніе города. Имѣніе казненныхъ и ссылаемыхъ отбиралось въ казну на содержаніе „сыщиковъ“, которыхъ разсылали во всѣ концы государства искать „раскольниковъ“. Конечно, эти мѣры возбуждали лишь бо́льшее неудовольство среди населенія.

Волновались и стрѣльцы. Въ 1698 году, уже въ царствованіе императора Петра I, среди нихъ вновь вспыхнулъ мятежъ, который былъ подавленъ съ небывалой еще жестокостью. Тысячи замѣшанныхъ въ мятежѣ въ мрачныхъ застѣнкахъ преображенскаго приказа и тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи подвергались самымъ безчеловѣчнымъ пыткамъ и мучительнымъ казнямъ. Императоръ съ придворными собственноручно рубили на плахахъ головы виновнымъ стрѣльцамъ...

Въ старообрядцахъ императоръ Петръ I видѣлъ главныхъ враговъ своихъ нововведеній. И первое время употреблялъ противъ нихъ самыя жестокія мѣры.

Сторонники старой вѣры убѣгали въ глухіе, непроходимые лѣса и тамъ среди болотъ и непролазныхъ топей они учреждали свои скиты. По всей странѣ разсылались воинскія команды, которые разыскивали укрывающихся и разоряли построенныя ими обители. Тюрьмы были переполнены заключенными старообрядцами. Мы не будемъ уже напоминать о тѣхъ ужасныхъ пыткахъ, которымъ подвергали ревнителей старой вѣры, дабы заставить ихъ отказаться отъ своихъ убѣжденій: какъ ихъ въ преображенскомъ приказѣ заживо „коптили на огнѣ, сжигали въ срубахъ, щипцами ломали бедра и руки, вырѣзывали языки и т. д. и т. д. Страшно вспоминать о томъ тяжеломъ, кровавомъ времени...

Среди этихъ гоненій многіе приходили въ отчаяніе. Въ населеніи укоренялась мысль, что наступаетъ конецъ міра, говорили о пришествіи антихриста. Чтобы не

отдаваться въ руки правительства, тысячи предпочитали сами покончить съ собой.

Сотни людей, собравшись вмѣстѣ, погибали голодной смертью или подвергали себя самосожженію. Такое самоубійство почиталось дѣломъ богоугоднымъ. По всей странѣ въ глухихъ лѣсахъ пылали костры, гдѣ старообрядцы съ своими женами и дѣтьми добровольно погибали въ огнѣ. Обыкновенно эти самосожженія происходили на глазахъ воинскихъ командъ, открывшихъ убѣжище бѣглецевъ. Тяжело должно быть было положеніе, когда приверженцы старой вѣры предпочитали огонь правительственному суду! Нерѣдко бывали случаи, когда во время такихъ самосожженій съ пѣніемъ молитвъ погибало 800 — 1000 человѣкъ одновременно.

Тысячи погибали такимъ образомъ. Но еще большее число отъ жестокихъ мѣръ преслѣдованія убѣгало вовсе изъ отечества. Огромныя толпы переселялись въ Турцію Польшу. Какъ многочисленны были эти бѣглецы, показываетъ тотъ фактъ, что за 46 лѣтъ (1716—1762) изъ нижегородскихъ старообрядцевъ въ общемъ бѣжало чуть ли не 7/8. Бѣгство это было такъ распространено, что правительство пыталось даже вооруженной силою возвращать изъ Польши бѣглецовъ. Центромъ поселеній бѣглецовъ была Вѣтка. И въ царствованіе Анны Іоанновны въ 1733 г. русскія войска, пользуясь слабостью Польши, вторглись въ ея предѣлы и разорили Вѣтку. Но эта мѣра не имѣла успѣха. На мѣсто тѣхъ бѣглецовъ, которые были прогнаны назадъ въ Россію, появились новыя тысячи, лишь только правительственныя войска оставили Польшу. Будучи безсильнымъ, конечно, бороться однѣми казнями съ народнымъ движеніемъ — всѣхъ старообрядцевъ нельзя было переказнить, правительство прибѣгало къ другимъ мѣрамъ. Въ 1714 г. правительство произвело перепись

всѣхъ „раскольниковъ“ по губерніямъ. И эти записанные старообрядцы должны были платить двойныя подати, носить особыя платья, на которыхъ пришивался „козырь изъ желтаго сукна“ или мѣдные знаки, по которымъ можно было отличать старообрядцевъ отъ прочаго населенія. За право носить бороду опять таки старообрядцы должны были уплачивать особый „окладъ“; имъ запрещалось жить въ городахъ; ихъ нельзя было выбирать на какія-либо общественныя должности и т. д. Ихъ лишали, наконецъ, возможности имѣть законныя семьи; за брачное сожитіе безъ вѣнчанія они предавались суду, а кто хотѣлъ совершить бракосочетаніе, тотъ долженъ былъ по закону отказаться отъ старой вѣры. Старообрядцевъ со старообрядками вѣнчать было запрещено. Рождающихся у старообрядцевъ дѣтей законъ повелѣвалъ крестить по обрядамъ господствующей церкви. Этимъ путемъ намѣревались достичь постепеннаго вымиранія старообрядцевъ.

Такимъ образомъ записанные старообрядцы, лишенные гражданскихъ правъ, были поставлены въ безвыходное положеніе. Потаенные т. е. не записанные старообрядцы, по закону 2 марта 1718 г. ссылались въ Сибирь въ каторжныя работы, а укрыватели этихъ потаенныхъ лицъ подвергались казнямъ и лишеніямъ имущества. Укрывательство считалось сопротивленіемъ власти. Смертной казни подлежалъ и всякій уличенный въ совращеніи въ старообрядчество кого-либо изъ членовъ господствующей церкви. Въ 1730 г. смертная казнь для совратителей была отмѣнена, и вмѣсто казни виновные подвергались жесточайшему наказанію и вѣчной ссылкѣ на галеры съ отобраніемъ всего имущества въ казну. Отбиралось въ казну имущество и тѣхъ лицъ, которые убѣгали за границу.

При такихъ условіяхъ жили старообрядцы въ первую половину XVIII вѣка. Отъ преслѣдованій, какъ мы говорили, они укрывались въ лѣсныхъ дебряхъ. Но и здѣсь ихъ накрывали воинскія команды, разорявшія ихъ жилища до тла — „такъ, чтобы и слѣдъ того мѣста не былъ знаемъ", уничтожались у нихъ иконы и старопечатныя книги.

Какъ ни тяжело было жить при такихъ условіяхъ, число старообрядцевъ, какъ свидѣтельствовали правительственные чиновники того времени, лишь возрастало. Къ борцамъ за старую вѣру присоединялись народныя массы — русское крестьянство, обремененное непосильными повинностями. Здѣсь учителя старовѣрія вербовали главнымъ образомъ своихъ единомышленниковъ; на крестьянъ приходилось и наибольшее число бѣглецовъ...

Такъ шла жизнь старообрядцевъ вплоть до 1762 г. Правительство разоряло ихъ жилища, ссылало въ Сибирь и казнило наиболѣе упорныхъ, а старообрядцы сотнями сжигались или убѣгали за границу. Лились потоки слезъ и крови. За что?... Въ наше время остается лишь удивляться терпѣнію русскаго народа.

Но вотъ, и для старообрядцевъ наступили, наконецъ, лучшія времена.

III. Конецъ XVIII и начало XIX вѣка.

Со времени императора Петра III начинается отмѣна прежнихъ стѣснительныхъ постановленій по отношенію къ старообрядцамъ. Правительство стало озабочиваться заселеніемъ огромнаго Новороссійскаго края и заволжскихъ мѣстъ. Съ этой цѣлью въ Россію призывались иноземцы, которымъ давали большія льготы. Вспомнили тогда и о тысячахъ бѣглецовъ старовѣровъ, которые тол-

пами уходили за границу, унося съ собой капиталы, которые съ пользой могли бы употребить у себя на родинѣ.

Въ 1762 году императоромъ Петромъ III былъ изданъ указъ, разрѣшавшій старообрядцамъ, бѣжавшимъ за границу, возвратиться въ Россію. Одновременно съ этимъ объявлялось, что всѣ слѣдствія по прежнимъ дѣламъ прекращаются, дабы старообрядцы могли вернуться, не опасаясь наказанія. Указъ этотъ былъ подтвержденъ съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II; правительство объявляло, что не будетъ чинить никакихъ притѣсненій старообрядцамъ; имъ разрѣшалось носить бороды и ходить не въ установленной прежде одеждѣ; предоставлялось право избирать родъ жизни по собственному желанію — записываться въ купеческое сословіе. Вслѣдъ за этимъ послѣдовалъ рядъ указовъ, возвращавшихъ старообрядцамъ гражданскія права, которыхъ они были лишены. Въ 1769 г. имъ возвращено было право судебнаго свидѣтельства, отнятое у нихъ при Петрѣ I; въ 1782 г. уничтоженъ двойной окладъ, въ 1785 г. дозволено было старообрядцевъ избирать на общественныя должности. Наконецъ, имъ разрѣшено было селиться во всѣхъ городахъ, не исключая и столичныхъ. Уничтожена была и спеціальная „Раскольничья контора“, вѣдавшая дѣла старообрядцевъ; отнынѣ старообрядцы были подчинены общимъ присутственнымъ мѣстамъ.

Мы видимъ, что старообрядцы при Екатеринѣ II во многихъ правахъ были сравнены съ остальнымъ населеніемъ. Конечно, это внесло большія облегченія въ ихъ многострадальную прежде жизнь. Однако свободы вѣры старообрядцы не получили. Правительство сквозь пальцы смотрѣло на негласное отправленіе богослуженія, но открытое исповѣдываніе „раскола“ по прежнему

строжайше запрещалось. И въ 1768 г. и черезъ десять лѣтъ (въ 1778 г.) подтверждено было запрещеніе строить старообрядческія церкви, часовни и молитвенные дома.

Къ этому времени т.-е. къ 80-мъ годамъ, относится и образованіе единовѣрческой церкви. Единовѣріе было какъ-бы „переходной церковью". Правительство смотрѣло на единовѣріе, какъ на средство сближенія старообрядцевъ съ господствующей церковью, и открыто признавъ его, съ 1800 г. дозволило устраивать единовѣрческія церкви. Позже единовѣрцамъ было разрѣшено открыть и типографію для печатанія церковныхъ книгъ. Дозволя старообрядцамъ переходить въ единовѣріе, правительство однако строго воспрещало переходъ для тѣхъ, кто по бумагамъ и книгамъ, которыя вели священники, числились „православными", т.-е. членами господствующей церкви. А такихъ, т.-е. числящихся по бумагамъ „православными", на дѣлѣ среди старообрядцевъ было $^{9}/_{10}$. Понятно, что правительство желало путемъ единовѣрія достигнуть хотя бы видимо полнаго уничтоженія старообрядчества. Но среди искреннихъ старообрядцевъ единовѣріе не могло пользоваться успѣхомъ. Они справедливо видѣли въ единовѣріи „ловушку". Принятіе единовѣрія, на которое правительство смотрѣло лишь какъ на переходную мѣру, означало отказъ отъ старой вѣры, отъ той вѣры, за которую пришлось уже въ продолженіи полутораста лѣтъ вынести столько страданій. Тотъ, кто во время жестокихъ гоненій проливалъ свою кровь за вѣру, тотъ, конечно, не могъ отказаться отъ нея ради благъ земныхъ, когда наступило лучшее время.

Въ стремленіи примирить старообрядцевъ съ господствующей церковью, правительство, не давая по закону свободу богослуженія старообрядцамъ, на дѣлѣ смотрѣло сквозь пальцы на негласное существованіе старообряд-

ческихъ моленныхъ. Такъ продолжалось вплоть до 1827 г., за все время царствованія императора Александра I. Напримѣръ, въ 1810 г. монахини Климовскаго старообрядческаго монастыря въ Черниговской губерніи построили безъ разрѣшенія церковь и просили разрѣшить отправлять службу въ ней по старымъ обрядамъ. Офиціальнаго разрѣшенія на открытіе церкви не было дано, но изъ Петербурга послѣдовалъ приказъ: не чинить старообрядцамъ препятствій къ продолженію богослуженія. Такіе же случаи произошли въ Чугуевѣ тогдашней Слободско-Украинской (теперешней Харьковской) губ. въ Калужской, Курской, Архангельской, Саратовской губ, гдѣ старообрядцы строили часовни и богодѣльни. Правительство всѣ эти учрежденія оставляло, но предписывало впредь не допускать возведенія часовень и богодѣльныхъ домовъ старообрядцами. Но если вновь появлялась гдѣ-нибудь часовня, то ея не разоряли, какъ прежде. Она спокойно существовала, и старообрядцы отправляли въ ней свое богослуженіе. И вся Россія покрылась сѣтью молитвенныхъ домовъ и богадѣленъ, которыя въ сущности были не богадѣльни, а монастыри. Они появляются на сѣверѣ — въ Петербургской, Ярославской, Новгородской, Вологодской губ., въ центрѣ — Московской, Тульской, Орловской, Воронежской, Тамбовской; на востокѣ — Казанской, Саратовской; на югѣ — Херсонской, Таврической, Екатеринославской и въ другихъ губерніяхъ. Въ Москвѣ открыто существуютъ двѣ огромныя старообрядческія богодѣльни при Рогожскомъ и Преображенскомъ кладбищѣ; эти учрежденія существующія подъ видомъ богодѣленъ, являлись для старообрядцевъ огромными монастырями, гдѣ пребывало нѣсколько сотъ душъ обоего пола (уже въ 1790 г. на Рогожскомъ кладбищѣ насчитывалось прихожанъ 20000 человѣкъ).

Въ молитвенныхъ домахъ старообрядцевъ отправляли богослуженіе священники, бѣжавшіе изъ господствующей церкви. По указу 1803 г. этихъ священниковъ запрещалось преслѣдовать. Богодѣльни старообрядческія, наподобіе другихъ благотворительныхъ учрежденій, получили право принимать ложертвованія и вклады, выбирать особыхъ уполномоченныхъ для веденія и управленія дѣлами. И мѣстнымъ начальствамъ повелѣно было не вмѣшиваться во внутреннее управленіе богодѣленъ и въ выборы уполномоченныхъ лицъ.

По указамъ, шедшимъ изъ Петербурга, повелѣвалось мѣстному чиновничеству вообще не тревожить старообрядцевъ въ ихъ домашнемъ быту — запрещалось даже дѣлать обыски въ домахъ для отобранія у старообрядцевъ книгъ, „противныхъ ученію православной церкви".

Мы видимъ, какъ облегчилось положеніе старообрядцевъ въ первые годы прошлаго столѣтія. И все чаще и чаще шли изъ Петербурга предписанія, повелѣвавшія не преслѣдовать старовѣровъ строгими мѣрами за ихъ мнѣнія о вѣрѣ. Въ Высочайшемъ повелѣніи 11 апрѣля 1820 года предписывалось: „допускать всякое снисхожденіе къ заблужденіямъ разныхъ сектъ, коль скоро дѣйствія ихъ не нарушаютъ спокойствія общаго, не являютъ соблазновъ и другихъ вредныхъ для общества послѣдствій". Въ правилахъ, преподанныхъ полиціи для руководства по дѣламъ „раскольничьимъ", говорилось, что мѣры, принимаемыя начальствомъ, должны быть таковыми, чтобы „какой-нибудь крутой оборотъ не показался раскольникамъ гоненіемъ, коего правительство никогда въ виду имѣть не можетъ". Въ этихъ правилахъ неоднократно подтверждалось, что старообрядцы не преслѣдуются за мнѣнія о вѣрѣ, что они могутъ спокойно держаться этихъ мнѣній и исполнять принятые ими обряды.

Легко замѣтить, какая громадная пропасть лежала между тѣмъ, что говорилось и дѣлалось прежде, и теперь. Чѣмъ же надо было объяснять новые поступки правительства по отношенію къ старообрядцамъ? Тѣми новыми вѣяніями, которыя стали проникать съ конца XVIII вѣка въ русское общество. Россія стала ближе знакомиться съ образованной западной Европой. Тамъ времена религіозныхъ гоненій давно уже прошли. Было время, когда и въ Европѣ пылали костры, на которыхъ сотнями гибли мученики за вѣру, всѣ несогласные съ господствующей въ то или иное время церковью, когда тюрьмы были переполнены, какъ и у насъ, подобными преступниками. Но это было давно. Въ XVIII вѣкѣ было уже признано, что государство не въ правѣ вмѣшиваться въ дѣла совѣсти человѣка. Каждый воленъ вѣрить по своему разумѣнію; каждый по-своему можетъ искать пути въ царство Божіе. На Западѣ прекратились религіозныя гоненія, и только у насъ они свирѣпствовали со всей силой. И вотъ, когда Россія стала знакомиться ближе съ Западомъ, стали сознавать и у насъ необходимость отбросить старое насиліе въ вопросахъ вѣры. На Западѣ въ это время происходила великая французская революція, начавшаяся въ 1789 г. Французскій народъ возсталъ противъ своихъ утѣснителей; онъ добивался свободы, и добился. Примѣръ Франціи, которая свергла старое правительство и выбрала новое, испугалъ всѣхъ. И правительства другихъ государствъ сочли необходимымъ пойти на уступки, сдѣлать самимъ первые шаги къ свободѣ, чтобы избѣжать полнаго крушенія. Отголоски того, что происходило на Западѣ, доходили и до насъ.

Императрица Екатерина II, получившая хорошее образованіе, ознакомившаяся съ лучшими писателями того

времени и сама писавшая, находилась подъ вліяніемъ тѣхъ событій, которыя происходили на Западѣ. Въ своихъ сочиненіяхъ она провозглашала тѣ самыя начала свободы, осуществленія которыхъ требовали народы на Западѣ. Того же требовали и лучшіе, наиболѣе образованные русскіе люди. Правда, то, что говорила Екатерина II въ своихъ сочиненіяхъ, далеко не всегда осуществлялись въ жизни, и въ ея царствованіе не были проведены необходимыя преобразованія, которыя должны были измѣнить жизнь русскаго государства и повести его по новому пути счастья и свободы. Но происходившіе разговоры все же до извѣстной степени отзывались и въ жизни. Вотъ почему правительство часто сквозь пальцы смотрѣло на нарушеніе и существовавшихъ законовъ по отношенію къ старообрядцамъ. Законы эти, какъ мы уже говорили, были такъ же строги, какъ и прежде. По старому запрещалось для старообрядцевъ открытое богослуженіе, не дозволялось „ни по какому случаю“ строить молитвенные дома; предписывалось также отнюдь не допускать, чтобы старообрядцы принимали къ себѣ священнослужителей господствующей церкви. Но одновременно съ этимъ, какъ мы говорили, повелѣвалось не причинять старообрядцамъ „излишняго безпокойства и волненія умовъ“. И поэтому тамъ, гдѣ старообрядческія церкви уже существовали, гдѣ они были построены, какъ говорилось въ указахъ, давно — тамъ ихъ не трогали. Не разрѣшалось возобновлять ветхихъ церковныхъ зданій, дабы подъ видомъ перестройки, старообрядцы не построили бы новаго. Но и это часто не соблюдалось. Тѣхъ бѣглыхъ священниковъ, которые отправляли уже у старообрядцевъ богомоленія, повелѣвалось не трогать. Такимъ образомъ негласно признавалось то, что запрещалъ законъ. Извѣстная свобода, насту-

пившая для старообрядцевъ, основывалась такимъ образомъ не на законѣ, а на томъ, что такъ хотѣли власть имущіе. Захоти они по-иному, и снова могли наступить для старообрядцевъ злыя времена гоненій. Они пользовались свободой до тѣхъ поръ, пока этого хотѣло правительство.

Безправные по закону старообрядцы, конечно, всецѣло были отданы въ зависимость мѣстнымъ властямъ. Власти всегда и ко всему могли бы придраться. И старообрядцы, чтобы пользоваться тѣми немногими льготами, которыя имъ предоставляли вопреки законовъ предписанія, шедшія отъ высшаго начальства изъ Петербурга, должны были нерѣдко подкупать мѣстныя власти. Тамъ, гдѣ были деньги, жилось сносно; тамъ, гдѣ ихъ не было, нерѣдко царилъ прежній произволъ. Все зависѣло отъ усмотрѣнія властей на мѣстахъ.

При Екатеринѣ II русское общество не было еще достаточно подготовлено, чтобы твердо признать негодность старыхъ порядковъ и смѣло выступить съ требованіями новыхъ. Оно еще только знакомилось съ этими новыми порядками...

Правительство же само отъ словъ не думало переходить къ дѣлу. То же было и при внукѣ Екатерины — императорѣ Александрѣ I. Вступивши на престолъ, Александръ I призналъ необходимымъ все измѣнить въ „безобразномъ зданіи Имперіи", какъ онъ выражался. Онъ говорилъ о необходимости введенія конституціи, т.-е. народнаго правленія. Ту же мысль лелѣяли и лучшіе русскіе люди еще со времени Екатерины. Еще болѣе близка имъ стала эта мысль послѣ Отечественной войны 1812 г. Война съ Наполеономъ привела русскія войска за границу. И тамъ всѣ воочію убѣдились огромному преимуществу тѣхъ новыхъ порядковъ, о введеніи

которыхъ говорили въ Россіи. Изъ этихъ военныхъ, побывавшихъ за границей, образовалось даже особое общество, которое поставило своею задачею ввести въ Россіи управленіе народными представителями, добиться уничтоженія крѣпостного права, подрывавшаго благосостояніе государства — рабское царство не могло процвѣтать, устранить почти сказочныя злоупотребленія, происходившія въ россійскихъ судахъ, учредить равенство всѣхъ передъ закономъ — однимъ словомъ, въ корень пересоздать старые русскіе порядки. Итакъ члены общества говорили о томъ, о чемъ, казалось, говорилъ и самъ царь. Но Александръ I скоро измѣнилъ свои мысли. Онъ такъ же враждебно сталъ относиться къ мысли о конституціи, какъ прежде враждебно относился къ старымъ русскимъ порядкамъ, негодность которыхъ была признана имъ самимъ. Но русское общество, освоившееся уже съ мыслью о введеніи конституціи, не могло отказаться отъ установленія народнаго правленія. Не могло оно признать, что старый самодержавный государственный строй, при которомъ въ сущности правили страной одни лишь чиновники, лучше правленія народныхъ представителей. И оно попрежнему горячо защищало участіе самого народа въ управленіи государственными дѣлами. Но надеждамъ на введеніе въ Россіи народнаго правленія по примѣру другихъ странъ — тогда не суждено было исполниться.

Умеръ императоръ Александръ I, который во второй половинѣ своего царствованія былъ уже противъ конституціи. Наступило время междуцарствія. Шестнадцать дней въ Россіи не было царя. Не знали, присягать ли Константину, брату Александра I, который отказался отъ престола, или его младшему брату Николаю. Этимъ междуцарствіемъ и воспользовалось то общество,

о которомъ мы только что говорили и которое стремилось къ водворенію народнаго правленія въ Россіи. Это общество состояло, главнымъ образомъ, изъ офицеровъ русской арміи. 14 декабря 1825 г. эти лица съ частью сочувствующихъ имъ солдатъ явились на Сенатскую площадь въ Петербургѣ и потребовали введенія конституціи. Между правительственными войсками, державшими сторону цесаревича Николая, и собравшимися на площади произошло кровавое столкновеніе. Правительственныя войска одержали верхъ, и декабристы, какъ назвали позднѣе собравшихся 14-го декабря на Сенатской площади, были разсѣяны картечью изъ пушекъ. Этимъ и закончилась неудачная попытка декабристовъ добиться введенія народнаго правленія. Русскій народъ былъ въ массѣ еще слишкомъ теменъ и невѣжественъ, чтобы поддержать эту небольшую кучку людей, первыхъ русскихъ борцовъ за народную свободу... Виновные въ возмущеніи были жестоко наказаны. Пять главныхъ руководителей возстанія 14-го декабря были преданы казни черезъ повѣшеніе. Остальные зачинщики были отправлены въ далекую ссылку, въ Сибирь на каторжныя работы.

Императоръ Николай I вступилъ на престолъ, какъ самодержавный монархъ, не ограниченный въ своей власти народными представителями. И снова восторжествовали старые порядки. Снова безотвѣтственные чиновники стали у власти. И скоро настало время, которое во многомъ напомнило старообрядцамъ тяжелое время Петра. Кончилась золотая пора, когда старообрядцевъ, если не по закону, такъ на дѣлѣ не преслѣдовали за ихъ религіозныя вѣрованія. Вскорѣ почти всѣ права, дарованныя старообрядцамъ за время царствованія Петра III, Екатерины и Александра I, были отняты. Наступило для нихъ почти прежнее безправіе.

Нетрудно было отнять, конечно, то, что не было дано по закону, а лишь терпѣлось вопреки закону, по желанію правительства. И вотъ, старообрядцы были лишены весьма скоро льготъ, которыя имъ были временно предоставлены.

IV. Гоненія въ царствованіе Николая I.

Съ 1827 г. начались отмѣны постановленій, сдѣланныхъ при Екатеринѣ II и Александрѣ I. Отмѣны эти первоначально начались съ мелочей, а затѣмъ коснулись и болѣе важныхъ вопросовъ.

Богодѣльные дома старообрядцевъ правительство непосредственно подчинило вѣдѣнію полиціи; затѣмъ постановлено было не утверждать духовныхъ завѣщаній, о пожертвованіяхъ на содержаніе богодѣленъ, само существованіе которыхъ было признано уже незаконнымъ; закрыты были школы при богадѣльняхъ, веденіе метрическихъ книгъ было передано полиціи, и тѣмъ самымъ старообрядцы были поставлены еще въ бо́льшую зависимость отъ мѣстныхъ властей. Какая это тяжелая была зависимость на дѣлѣ, мы увидимъ впослѣдствіи. Затѣмъ вниманіе правительства было обращено на преслѣдованіе бѣгствующихъ священниковъ — имъ окончательно было запрещено отправлять богослуженіе у старообрядцевъ. Было обращено также особое вниманіе на моленныя. Въ 1826 году былъ строжайше подтвержденъ запретъ строить новыя моленныя и производить какія-либо исправленія ветхихъ зданій: было повелѣно предать забвенію предшествующія нарушенія закона, „покрытыя Монаршимъ снисхожденіемъ“, но впредь на обязанности мѣстныхъ властей лежало наблюденіе за неисправленіемъ

старыхъ зданій. Такимъ путемъ думали уничтожить всѣ существовавшіе молитвенные дома, часовни, богадѣльни и др. старообрядческія учрежденія. Когда же оказалось, что и въ 1841 г. старообрядческія учрежденія продолжаютъ процвѣтать, т.-е., другими словами, негласно происходили исправленія старыхъ зданій, правительство предписало принять болѣе строгія мѣры. Ветхія зданія приказано было разорять. И вотъ, по всей Россіи началось уничтоженіе старообрядческихъ учрежденій. Молитвенные дома или уничтожались, или насильно превращались въ единовѣрческіе монастыри. Вотъ нѣкоторыя цифры,— цифры далеко не полныя, идущія изъ правительственныхъ источниковъ, которыя показываютъ, какъ постепенно уничтожались молитвенные дома.

Въ 1847 г. закрыто было 7 молитвенныхъ домовъ, 28 совершенно уничтожено, 8 передано единовѣрцамъ; на слѣдующій годъ запечатано было 4, уничтожено 34, и 5 монастырей передано единовѣрцамъ; въ 1849 г. запечатано 9, совершенно уничтожено 36; въ 1850 г. запечатано 7, уничтожено 66, передано единовѣрцамъ 6; въ 1851 г. запечатано 11, уничтожено 28, передано единовѣрцамъ 2; въ 1852 г. запечатано 8, уничтожено 20, передано единовѣрцамъ 3.

Итакъ, по однимъ правительственнымъ даннымъ, всего лишь за шесть лѣтъ у старообрядцевъ было отнято тѣмъ или другимъ путемъ *282* зданія! Потеря, конечно, громадная. На самомъ дѣлѣ за тридцатилѣтнее царствованіе Николая I у старообрядцевъ было уничтожено много сотенъ, если не тысячъ, молитвенныхъ зданій[1]).

[1]) Въ 1853 г. было сдѣлано общее распоряженіе министру внутреннихъ дѣлъ: принять мѣры къ постепенному при первой къ тому возможности упраздненію старообрядческихъ скитовъ, монастырей, кладбищенскихъ заведеній и пр.

Уничтоженіе молитвенныхъ зданій сопровождалось и отобраніемъ имущества. Были отобраны десятки тысячъ древнѣйшихъ иконъ, десятки тысячъ богослужебныхъ книгъ и другихъ предметовъ. Только недавно старообрядцамъ вернули отобранные у нихъ предметы за многолѣтнія гоненія. И вотъ, теперь мы видимъ, какіе предметы находились въ теченіе десятилѣтій подъ полицейскими печатями. Мы узнаемъ, что въ ящикѣ подъ наименованіемъ „съ разными предметами“ лежали конфискованными мощи св. Николая Чудотворца, московскихъ митрополитовъ Петра и Алексѣя, часть древа Господня и пр., т.-е. святыни, которыя чтутся равнымъ образомъ и членами господствующей церкви...

Часто иконы и богослужебныя книги, отбираемыя у старообрядцевъ и передаваемыя единовѣрцамъ, представляли большую цѣнность. Эти цѣнности являлись собственностью частныхъ лицъ, которыя на свои средства оборудовали молитвенные дома. Отобраніе этихъ вещей въ сущности было равнозначуще расхищенію чужого имущества.

На ряду съ лишеніемъ права богослуженія, уничтоженіемъ молитвенныхъ домовъ правительство вернулось и къ другимъ стѣснительнымъ мѣрамъ, которыя предпринимались прежде по отношенію къ старообрядцамъ. Дѣтей старообрядцевъ вновь повелѣно было крестить по обрядамъ господствующей церкви и не считать ихъ старообрядцами. Въ 1841 г. былъ отданъ Высочайшій приказъ,—составить разъ навсегда для старообрядцевъ семейные списки и не допускать впредь никакихъ добавленій по этимъ спискамъ, т.-е. всѣ дѣти должны были уже числиться послѣ этого указа сынами господствующей церкви. Еще въ 1827 г. было окончательно запрещено заключать браки между старообрядцами, и

запрещеніе это было подтверждено вновь въ 1841 г. Постепенно лишались старообрядцы и другихъ гражданскихъ правъ. Въ 1842 г. было повелѣно, чтобы каждый, выбираемый на общественныя должности въ городахъ и посадахъ, давалъ бы подписку въ томъ, что онъ не принадлежитъ „ни къ какой изъ раскольническихъ сектъ". Другими словами, старообрядцы были лишены права избираться на общественныя должности. Въ 1853 г. это запрещеніе было добавлено еще распоряженіемъ взыскивать съ старообрядцевъ особый сборъ въ пользу служащихъ по выборамъ.

Одновременно съ этимъ правительство употребляло и болѣе строгія мѣры преслѣдованія. Всякій старообрядецъ, обличенный въ сокрытіи принадлежности къ своей сектѣ, подвергался безъ суда ссылкѣ въ отдаленный край восточной Сибири. Всѣ дѣла объ отступленіи отъ вѣры были изъяты изъ вѣдѣнія суда и разрѣшались административнымъ путемъ. Въ жизни это вызывало безконечныя злоупотребленія... Сотни старообрядцевъ безъ всякаго повода подвергались преслѣдованіямъ и въ концѣ концовъ попадали въ тюрьму, а потомъ и въ Сибирь. Нѣкоторыя цифры, взятыя изъ правительственныхъ источниковъ, т.-е. источниковъ, всегда уменьшающихъ дѣйствительное число, покажутъ намъ, какъ многочисленны были дѣла по привлеченію старообрядцевъ къ отвѣтственности за тѣ или другіе проступки. Вотъ выписки, сдѣланныя самими чиновниками. Въ 1843 г. производилось 614 уголовныхъ дѣлъ, по которымъ было привлечено 1989 старообрядцевъ; въ 1844 г. производилось 713 дѣлъ, по которымъ подъ судомъ состояло 3489 человѣкъ; въ 1845 г. разбиралось 601 дѣло по обвиненію 4505 человѣкъ; въ 1846 г. разсматривалось 668 дѣлъ, подъ судомъ состояло 4979;

въ 1848 г.—545 дѣлъ по обвиненію 3775 лицъ; въ 1849 г.—779 дѣлъ по обвиненію 5930 человѣкъ и т. д.

Мы видимъ, какъ съ каждымъ годомъ все больше растетъ число судебныхъ дѣлъ. Вѣдь здѣсь говорится только о дѣлахъ, доходившихъ до суда, а какая масса такихъ же дѣлъ была изъята изъ вѣдѣнія суда. Тысячи такихъ дѣлъ самочинно рѣшались мѣстной властью. По всѣмъ этимъ дѣламъ обвиняемые присуждались къ самымъ разнообразнымъ наказаніямъ: они присуждались къ наказанію плетьми, къ ссылкѣ въ каторжныя работы на заводы въ Сибирь, къ отдачѣ въ солдаты, къ заключенію въ тюрьмы и монастыри и т. д. Монастыри — эти тихія обители, въ которыхъ люди уставшіе уходили искать отдохновенія отъ суеты мірской, были превращены государствомъ въ тюремные замки. Въ мрачныхъ, сырыхъ подземельяхъ этихъ монастырей десятилѣтіями, а иногда и всю жизнь томились несчастные узники, страдальцы за вѣру[1]).

Для того, чтобы придать всѣмъ этимъ мѣрамъ гоненій, направленныхъ въ концѣ концовъ на полное уничтоженіе старообрядчества, единство, правительство учредило цѣлый рядъ особыхъ „раскольничьихъ“ комитетовъ, участіе въ которыхъ принимали представители мѣстныхъ властей и государственной церкви. Такіе комитеты были образованы въ Москвѣ, Н.-Новгородѣ, Самарѣ, Курскѣ, Симбирскѣ, Ярославлѣ, Могилевѣ и въ другихъ городахъ. Помимо этихъ мѣстныхъ комитетовъ, былъ учрежденъ въ Петербургѣ особый комитетъ

[1]) Объ этихъ монастырскихъ тюрьмахъ читатель можетъ найти подробности въ книгѣ А. С. Пругавина. Все, что тамъ разсказывается, основывается на „подлинныхъ данныхъ“, взятыхъ изъ архивовъ. Книжка Пругавина переведена на всѣ иностранные языки, и весь образованный міръ приходилъ въ ужасъ, познакомившись съ фактами, которые описаны въ книгѣ.

по „дѣламъ раскольничьимъ“, состоявшій изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ и вырабатывавшій общія мѣры преслѣдованія старообрядцевъ. Правительствомъ были выработаны даже особыя наставленія властямъ по дѣламъ, относящимся до старообрядцевъ.

Надо ли говорить, что эти мѣры и были тѣ самыя, которыя давно уже проводились въ жизнь и о которыхъ мы только что говорили? Это была въ полномъ смыслѣ „истребительная политика“, какъ говорили впослѣдствіи. Вся цѣль правительства — писалъ въ 1858 г. одинъ изъ государственныхъ дѣятелей того времени — состояла въ томъ, „чтобы изъять раскольниковъ изъподъ общаго закона и подчинить ихъ исключительнымъ и особенно негласнымъ правиламъ, при которыхъ произволу открывалось широкое поле“... Это замѣчаніе болѣе, чѣмъ справедливо. Когда цѣлыя селенія старообрядческія подвергались особымъ полицейскимъ надзорамъ, были окружены сотнями шпіоновъ и соглядатаевъ — произволу открывалось дѣйствительно „широкое поле“. Каждый въ достаточной мѣрѣ можетъ судить объ этомъ по теперешнимъ чрезвычайнымъ и усиленнымъ охранамъ. Каково было жить подъ страхомъ постоянныхъ обысковъ, суда и ссылки, зная, что защиты негдѣ найти! Даже судъ, какъ ни былъ онъ плохъ въ то время, не могъ дать защиты. Дѣла о старообрядцахъ, какъ мы уже говорили, главнымъ образомъ разрѣшались помимо суда по усмотрѣнію мѣстныхъ полицейскихъ властей. При такихъ условіяхъ жили сотни тысячъ русскихъ гражданъ! Беззаконіе и произволъ властей доходили до такой степени, что у лицъ, заподозрѣнныхъ въ тайномъ приверженствѣ къ старообрядчеству, насильно отбирались дѣти для воспитанія ихъ въ духѣ ученія господствующей церкви. А такихъ не-

записанныхъ старообрядцевъ было, пожалуй, большинство: кто, испугавшись невыносимыхъ преслѣдованій, видимо присоединялся къ господствующей церкви; кто по недоразумѣнію или по злоупотребленію властей, которыя вели книги записей рожденія, числился членомъ государственной церкви... И когда, наконецъ, въ 1846 г. повелѣно было „не разлучать членовъ одного семейства за разномысліе о вѣрѣ“, въ жизни стали примѣнять возмутительный способъ увоза дѣтей „тайкомъ“, что дѣлалось во время безчисленныхъ ночныхъ обысковъ, которые производились по приказанію свыше полиціей совмѣстно съ духовенствомъ. Дѣло доходило до того, что правительство намѣревалось даже издать указъ, по которому всѣ старообрядцы должны были жить въ домахъ, построенныхъ по опредѣленному плану. Дѣлалось это для того, чтобы никто не могъ укрыться во время обыска въ какой-нибудь тайникъ, нарочно съ такой цѣлью устроенный, чтобы полиція заранѣе знала бы всѣ входы и выходы...

Понятно, въ какое уныніе и отчаяніе приходили старообрядцы. И многіе изъ нихъ вновь обращались къ мысли бѣжать изъ отечества и за предѣлами Россіи найти себѣ убѣжище. Хорошо было положеніе, когда русскіе граждане должны были помышлять о бѣгствѣ съ родины въ чужія земли!

Многіе дѣйствительно убѣгали постарому въ Турпію или Австрію, часто жертвуя всѣмъ своимъ благосостояніемъ, оставляя на произволъ свое имущество, которое брала казна. На допросахъ многіе старообрядцы откровенно говорили: „мы бы всѣ рады были въ Австрію уйти, да пропуски крѣпки“. Правительство, преслѣдуя старообрядцевъ и не давая имъ никакой возможности жить у себя на родинѣ, вовсе не хотѣло однако лишаться своихъ

гражданъ. Оно насильно задерживало ихъ въ Россіи. Тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ бѣглецами уходили нерѣдко и деньги. Многіе старообрядцы, благодаря своей сплоченности и предпріимчивости, являлись, какъ и теперь, самыми богатыми людьми въ странѣ...

Австрія особенно притягивала нѣкоторыхъ старообрядцевъ. Для этого были особыя причины.

Тѣ, которые не шли въ единовѣріе, и такимъ образомъ не могли имѣть священниковъ, находящихся подъ духовной властью архіереевъ господствующей церкви, были поставлены въ большое затрудненіе, когда правительство запретило принимать священниковъ, бѣжавшихъ изъ господствующей церкви. Кто-нибудь да долженъ былъ отправлять необходимыя старообрядцамъ требы. Часть старообрядцевъ совсѣмъ отвергла духовную іерархію — сами міряне по выбору исполняли богослуженіе. Это были безпоповцы. Другіе—поповцы стали искать за границей архіерея, который бы посвятилъ новыхъ старообрядческихъ священниковъ. Такой архіерей нашелся. Это былъ митрополитъ Амвросій, служившій прежде въ Босніи. И вотъ, близъ русской границы въ Австріи была устроена старообрядческая митрополія — Бѣлая Криница. Бѣлая Криница сдѣлалась „святымъ мѣстомъ“, куда устремились бѣглецы изъ Россіи. Австрійское правительство всѣми средствами покровительствовало имъ — привлеченіе бѣглецовъ, конечно, было лишь въ интересахъ Австрійскаго государства. Митрополитъ Амвросій, водворившійся въ Бѣлой Криницѣ въ 1846 г., посвятилъ нѣсколько архіереевъ, которые въ свою очередь совершали необходимыя таинства для посвященія духовныхъ пастырей. Не всѣ старообрядцы, правда, признали австрійское рукоположеніе. Тѣ, которые признали, стали называться послѣдователями австрійскаго согласія.

Этой части старообрядцевъ уже не приходилось отыскивать съ такимъ трудомъ священниковъ, которые согласились бы уйти изъ господствующей церкви для отправленія требъ у старообрядцевъ. Остальные же должны были постарому отыскивать себѣ бѣглыхъ священниковъ.

Новое духовенство старообрядцевъ подверглось еще большимъ преслѣдованіямъ со стороны правительства. Первые архіереи были схвачены въ турецкихъ владѣніяхъ, доставлены въ Москву и подвергнуты тяжкимъ монастырскимъ заключеніямъ. Въ 1854 г. подъ охраной жандармовъ были доставлены въ Спасо-Евфиміевъ монастырь, находящійся въ гор. Суздалѣ Владимирской губ., архіепископъ Аркадій и епископъ Алимпій. По Высочайшему повелѣнію они подлежали заключенію въ монастырскую тюрьму „подъ строжайшій надзоръ". На шестидесятилѣтнемъ старцѣ Алимпіи это заключеніе отразилось очень тяжело. Онъ началъ хворать, и 25 августа 1859 г. скончался. Но мѣсто Алимпія занялъ другой старообрядческій епископъ Кононъ, захваченный въ концѣ 1858 г. уже не въ турецкихъ владѣніяхъ, а въ Свирскомъ уѣздѣ Кіевской губ. Въ 1863 г. число старообрядческихъ архіереевъ, сидѣвшихъ въ суздальской тюрьмѣ, увеличилось еще однимъ. 2 іюля этого года былъ привезенъ въ монастырь пермскій старообрядческій епископъ Геннадій. Только въ 1881 г. были освобождены Аркадій, Кононъ и Геннадій...

Такъ поступали съ вождями старообрядцевъ, облеченныхъ духовнымъ саномъ, что же говорить о простыхъ священникахъ и рядовыхъ старообрядцахъ! Эти преслѣдованія были такого рода, что даже нѣкоторые правительственные чиновники удивлялись терпѣливости старообрядцевъ. Такъ извѣстный чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ Мельниковъ, изучавшій исторію старо-

обрядчества, въ запискѣ, поданной великому князю Константину Николаевичу въ 1857 году писалъ по поводу гоненій: „Будь это на Западѣ, давно бы лились потоки крови какъ лились они во время реформаціи[1]), тридцатилѣтней войны, религіозныхъ войнъ въ Англіи. Сравнивая положеніе протестантовъ передъ началомъ религіозныхъ войнъ съ современнымъ положеніемъ раскольниковъ, нельзя не согласиться, что послѣдніе стѣснены несравненно болѣе, чѣмъ были стѣснены первые“. У насъ всѣ эти насилія надъ совѣстью гражданъ терпѣлись почти безропотно. Правда, на почвѣ преслѣдованія происходили иногда открытыя столкновенія между властями и населеніемъ, преимущественно тогда, когда власти приступали къ разоренію молитвенныхъ домовъ или старообрядческихъ монастырей. Но эти случаи были рѣдки. Религіозныя гоненія не вызывали у насъ такихъ отпоровъ, какъ на Западѣ.

V. 60—70-ые годы.

Мы уже видѣли, какихъ размѣровъ достигли религіозныя преслѣдованія за тридцатилѣтнее царствованіе Николая I. Въ это время тяжело приходилось не однимъ старообрядцамъ, а и всему русскому народу. Императоръ Николай I хотѣлъ превратить Россію въ какія-то военныя казармы, гдѣ все дѣлается по приказу начальства безъ

[1]) На Западѣ до XVI в. господствовала католическая церковь. Какъ наша господствующая церковь, такъ и католическая, опираясь на содѣйствіе свѣтской власти, преслѣдовала всѣхъ несогласныхъ съ нею огнемъ и мечомъ. На Западѣ пылали костры, гдѣ гибли „еретики“; тюрьмы инквизиціи (высшаго духовнаго суда) были переполнены заключенными. Возстававшіе противъ господства католической церкви получили общее названіе протестантовъ. Гоненія ихъ вызвали кровавыя возмущенія, приведшія въ концѣ концовъ къ многолѣтнимъ войнамъ.

разсужденій. Свобода была совершенно задушена порядками, которые водворялись въ Россіи. Никто изъ русскихъ гражданъ не смѣлъ говорить и писать такъ, какъ онъ думалъ. Тюрьма и ссылка были удѣломъ смѣльчаковъ. Нечего говорить, что страна изнывала подъ такимъ гнетомъ.

Государство, гдѣ царило рабство, было безсильно. И это полное безсиліе Россіи обнаружилось во время Крымской войны, когда палъ подъ ударами непріятелей геройски защищаемый русскими солдатами Севастополь. Война показала всю слабость огромной Имперіи, несмотря на видимое ея могущество. Войска, на которыя тратились безъ контроля милліоны народныхъ денегъ, на которыя было обращено главное вниманіе царствовавшаго императора, оказались снабженными никуда негодными орудіями, которыя не могли состязаться съ новѣйшими усовершенствованными орудіями непріятелей. Война обнаружила полное обѣдненіе страны подъ вліяніемъ крѣпостного права. Негодность русскихъ порядковъ долженъ былъ передъ смертью признать и самъ императоръ Николай. Онъ ясно увидѣлъ въ дни Севастополя, что заведенные имъ порядки привели къ позорному крушенію Россіи. Послѣ тридцатилѣтняго царствованія, когда голосъ народа всѣми силами заглушался, Россія оказалась почти на краю гибели. Говорятъ императоръ самъ признался своему сыну на смертномъ одрѣ, что онъ сдаетъ „команду“, т.-е. Русское государство, не въ томъ видѣ, въ какомъ хотѣлъ.

Итакъ Севастополь былъ крушеніемъ тѣхъ порядковъ, которые господствовали у насъ въ 40-ые и 50-ые годы прошлаго столѣтія. Все русское общество послѣ войны требовало коренныхъ преобразованій въ государственномъ устройствѣ. И, конечно, прежде всего тре-

бовалось освободить народъ отъ рабской крѣпостной зависимости. На этомъ рабствѣ основывалось все государственное устройство. Рабство и подлежало уничтоженію въ первую голову, тѣмъ болѣе, что и крестьяне волновались въ ожиданіи свободы. Крестьянскіе бунты, полное экономическое истощеніе страны заставляли правительство двигаться по пути реформъ. Новый императоръ Александръ II чувствовалъ опасность медлить съ необходимыми преобразованіями, — тѣми преобразованіями, на которыя указывало русское общество и которыя, такъ сказать, требовала сама жизнь.

Въ знаменитой рѣчи, обращенной въ февралѣ 1856 г. къ предводителямъ московскаго дворянства, Александръ II сказалъ: „лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнетъ отмѣняться снизу". Это было начало подготовки къ освобожденію крестьянъ, послѣдовавшему, какъ извѣстно, 19 февраля 1861 г. Итакъ, исполнилось завѣтное желаніе лучшихъ русскихъ людей. За этой реформой послѣдовали и другія, неразрывно связанныя съ уничтоженіемъ крѣпостного строя, — реформа суда, введеніе земскаго и городского самоуправленія, всеобщей воинской повинности, преобразованіе школьнаго дѣла и т. д.

Въ то время, когда вводились указанныя преобразованія, вниманіе правительства должно было, конечно, остановиться и на реформѣ отношенія государства къ вѣроисповѣднымъ вопросамъ. Правительству необходимо было опредѣлить и свое отношеніе къ старообрядцамъ, къ тѣмъ милліонамъ русскихъ гражданъ, которые на ряду съ другими должны были получить новыя права. 16 августа 1864 г. былъ изданъ указъ, говорившій о необходимости предоставить свободу въ дѣ-

лахъ вѣры послѣдователямъ „менѣе вредныхъ сектъ“ — здѣсь, конечно, подразумѣвались старообрядцы. Для разработки этого указа и новаго закона были образованы и особыя комиссіи. Но пока эти комиссіи работали,—работали крайне медленно, какъ всѣ подобныя чиновничьи начинанія, въ русской жизни произошли вновь перемѣны. И вопросъ о старообрядцахъ остался нерѣшеннымъ. Всѣ бывшія стѣсненія сохранили силу. Правительство, уступая требованіямъ общества послѣ неудачной войны, первоначально согласилось на преобразованія. Нѣкоторыя изъ намѣченныхъ преобразованій уже были проведены въ жизнь. Оставалось еще сдѣлать многое, какъ правительство пошло назадъ. Время реформъ кончилось. Правительство отдѣльными распоряженіями стало брать назадъ то, что дало прежде. Наступила, какъ у насъ говорятъ, реакція. Конецъ 70-хъ годовъ, конецъ правленія Александра II почти ничѣмъ не отличался отъ Николаевскаго времени. Конечно, и для старообрядцевъ правительственная реакція означала постарому лишеніе вѣроисповѣдныхъ и гражданскихъ правъ.

Мы ясно видимъ, что улучшеніе участи старообрядцевъ всецѣло зависѣло отъ направленія, которое принимала русская государственная жизнь. Когда правительство начинало прислушиваться къ голосу общества, когда оно вынуждено было итти на уступки, когда ослаблялись ежевыя рукавицы, въ которыхъ правительство стремилось держать русскій народъ, тогда наступали времена облегченій и для старообрядцевъ. Но когда правительство чувствовало себя сильнымъ, когда всѣ его усилія были направлены на уничтоженіе стремленій народа къ свободѣ, столь необходимой для процвѣтанія государства,— тогда и для старообрядцевъ наступали тяжелыя времена. Вторая половина царствованія

Александра II, какъ мы говорили, ознаменовалась вновь торжествомъ реакціи. Но въ самомъ концѣ 70-ыхъ годовъ по причинамъ, выяснить которыя трудно въ немногихъ словахъ (причины были всегда однѣ и тѣ же — волненія въ обществѣ), правительство вновь принуждено было пойти на уступки. Заговорили о необходимости введенія конституціи, т.-е. того народнаго правленія, котораго въ свое время добивались еще декабристы и которое всегда было мечтой образованной части русскаго общества. Въ этомъ народномъ правленіи видѣли единственный выходъ изъ того невыносимаго положенія, въ которое была поставлена Россія правительствомъ. И вотъ тогда-то вновь заговорили о старообрядцахъ. Въ газетахъ и журналахъ того времени много писалось о вредѣ бюрократическаго строя, т. е. управленія страной чиновниками, когда не считали нужнымъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ т.-е. прислушиваться къ голосу народа, къ его требованіямъ и нуждамъ. Въ газетахъ писалось о необходимости установить въ Россіи свободу совѣсти, провозгласить это неотъемлемымъ правомъ каждаго гражданина. На ряду съ этимъ, конечно, былъ поднятъ вопросъ и о признаніи за „расколомъ“ религіозныхъ и гражданскихъ правъ, которыя такъ грубо попирались въ жизни.

Подъ вліяніемъ этихъ разговоровъ мы видимъ, что въ жизни старообрядцевъ наступаютъ нѣкоторыя облегченія. Эти облегченія носили на первыхъ порахъ частичный характеръ. Такъ, послѣ долгихъ и настойчивыхъ ходатайствъ со стороны рогожскихъ старообрядцевъ о снятіи полицейскихъ печатей, наложенныхъ по Высочайшему повелѣнію 7 іюля 1856 г. на алтари храмовъ Рогожскаго Кладбища, въ 1881 г. было разрѣшено на амвонахъ поставить временные

алтари и въ нихъ совершать богослуженія священникамъ бѣлокриницкой іерархіи. Любопытно, что при разсмотрѣніи этого вопроса въ комитетѣ министровъ, выяснилось, что старообрядческія святыни были опечатаны безъ всякаго повода по доносу, поступившему къ митрополиту Филарету о какомъ-то столкновеніи между старообрядцами и членами господствующей церкви. По официальному разслѣдованію, произведенному въ 1880 г. чиновникомъ московскаго генералъ-губернатора, установлено было что все это было завѣдомой ложью. Указанный фактъ показываетъ, къ какимъ неблаговиднымъ пріемамъ обмана и доносовъ прибѣгали въ то время, чтобы найти хотя бы какое-нибудь видимое основаніе для принимаемыхъ мѣръ преслѣдованія. Завѣдомой ложью хотѣли оправдать совершаемое насиліе и слишкомъ явную несправедливость! Старообрядцы послѣ запечатанія алтарей неоднократно при каждомъ удобномъ случаѣ обращались къ правительству съ просьбой разслѣдовать дѣло; но всегда въ отвѣтъ на свои ходатайства получали лишь строгое запрещеніе безпокоить правительственную власть напрасными просьбами. Болѣе всѣхъ противился распечатанію святѣйшій правительствующій синодъ, который даже въ 1880 г. находилъ, что распечатаніе алтарей въ храмахъ Рогожскаго Кладбища не можетъ быть допущено „*по духу* постановленій православной церкви“... Въ 1881 г. старообрядцы получили дозволеніе поставить временные алтари, потому что въ то время готовился къ опубликованію новый законъ о старообрядцахъ, въ основу котораго былъ положенъ Высочайшій указъ 1864 г. И вотъ, 3 мая 1883 г., наконецъ, былъ опубликованъ этотъ законъ.

VI. Законъ 3 мая 1883 г. и послѣдующее время.

Издавая законъ 3 мая, Государственный Совѣтъ — высшее законодательное учрежденіе того времени — писалъ, что законъ стремится охранять „право вѣрующаго человѣка, хотя бы и заблуждающаго въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, свободно молиться“. Новый законъ говорилъ, что старообрядцы „не преслѣдуются за мнѣнія ихъ о вѣрѣ“. Старообрядцы были возстановлены въ тѣхъ гражданскихъ правахъ, которыхъ окончательно лишились въ царствованіе Николая I: имъ была предоставлена безъ ограниченія свобода передвиженія, право торговли, право владѣнія недвижимымъ имуществомъ, право занимать по выборамъ различныя общественныя должности. Имъ была разрѣшена свобода богомоленій, постройка молитвенныхъ домовъ и пр. Законъ запретилъ лишь „публичное оказательство“ вѣроученія, могущее служить соблазномъ для членовъ господствующей церкви, и строго преслѣдовалъ „совращеніе“, т.-е. обращеніе послѣдователей господствующей церкви въ старообрядчество. Такимъ образомъ законъ далеко не предоставилъ старообрядцамъ полную свободу вѣры. Но хорошо было бы и то, если бы старообрядцы не преслѣдовались за свою вѣру. Старообрядцамъ, конечно, не такъ важно было другихъ совращать въ свою вѣру, какъ обезпечить себѣ неприкосновенность вѣры. Если бы законъ 3 мая 1883 г. примѣнялся на дѣлѣ, старообрядцы почувствовали бы значительное облегченіе, но горе въ томъ, что этотъ законъ остался почти только на бумагѣ.

Очень скоро въ русской жизни опять восторжествовала реакція, и легко то, что было дано одной рукой,

было отнято другой. Законъ 3-го мая отдавалъ попрежнему старообрядцевъ въ вѣдѣніе полицейскимъ властямъ. И путемъ отдѣльныхъ распоряженій законъ въ жизни былъ почти уничтоженъ. Уже въ 1884 г. временные алтари на Рогожскомъ Кладбищѣ были сняты. Старообрядцамъ предоставлялось по закону строить молитвенные дома, но для этого они должны были испросить разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ. А министерство нужныхъ разрѣшеній не давало. Такимъ образомъ право открывать молитвенные дома, предоставляемое закономъ, на дѣлѣ не существовало. Старообрядцамъ приходилось по необходимости прибѣгать къ открытію негласныхъ церквей. Напримѣръ, въ 90-хъ годахъ въ огромной Нижегородской епархіи существовало 172 неразрѣшенныхъ моленныхъ, а разрѣшенныхъ правительствомъ всего 12; въ Вятской епархіи на 60 неразрѣшенныхъ приходилось всего 5 разрѣшенныхъ. Эти цифры лучше всякихъ разсужденій говорятъ намъ о положеніи дѣла. Подъ всякимъ благовиднымъ предлогомъ по доносу полицейскаго чина, по требованію мѣстнаго священника господствующей церкви, указывавшаго на вредъ, приносимый якобы населенію тѣмъ, что въ данной мѣстности существуетъ разрѣшенная правительствомъ моленная, послѣдняя безъ всякаго законнаго повода закрывалась. Да и никакого повода не надо было, такъ какъ закрытіе предоставлялось всецѣло на усмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, другими словами, на усмотрѣніе мѣстной администраціи отъ губернатора до урядника включительно. Если существовавшіе уже молитвенные дома приходили въ ветхость, то старому для ихъ исправленія требовалось вновь испросить разрѣшеніе, которое далеко не всегда давалось, а если и давалось, то при условіи не измѣнять наружнаго вида зданія и т. д. Этимъ требованіемъ, конечно, строи-

тели иногда ставились въ безвыходное положеніе. Однимъ словомъ, право отправлять богослуженіе въ разрѣшенныхъ правительствомъ храмахъ и молитвенныхъ домахъ было обставлено самыми мелочными придирками, которыя дѣлали законъ простой бумажкой, не имѣющей никакого значенія въ жизни.

Законъ, какъ мы говорили, запрещалъ старообрядцамъ всякую попытку „публичнаго оказательства“ вѣры; такому запрещенію подвергались наружные колокола на храмахъ, употребленіе священнослужительскаго одѣянія, ношеніе иконъ, духовное пѣніе — даже на кладбищахъ во время похоронъ, хотя старообрядцы имѣли свои собственныя кладбища, а тамъ, гдѣ ихъ не было, старообрядцамъ отводились отдѣльныя мѣста. Къ публичному оказательству власти относили даже ношеніе старообрядческимъ духовенствомъ внѣ богослуженія священнослужительскаго одѣянія; и часто полиція преслѣдовала старообрядческое духовенство за то, что оно носило шляпы, похожія на шляпы господствующаго духовенства; за то, что оно носило длинные волосы. И это считалось публичнымъ оказательствомъ вѣры, которое можетъ служить соблазномъ для господствующей церкви...

Законъ предоставилъ право уставщикамъ, наставникамъ и другимъ лицамъ исполнять духовныя требы у старообрядцевъ, не подвергаясь за это преслѣдованіямъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они окажутся виновными въ распространеніи своихъ заблужденій между сынами господствующей церкви, а между тѣмъ администрація сплошь да рядомъ требовала отъ духовныхъ старообрядческихъ пастырей отказа отъ священническаго званія и совершенія требъ, а не желавшіе исполнять противозаконныхъ требованій администраціи подверга-

лись немедленной высылкѣ въ отдаленные края. Старообрядческихъ наставниковъ правительство вплоть до послѣдняго времени не желало признавать духовными пастырями. И вотъ, даже въ послѣднюю японскую войну были случаи, когда старообрядческое духовенство должно было итти на войну въ качествѣ простыхъ солдатъ. Старообрядцамъ постарому запрещалось заводить скиты и обители. Надъ ихъ монастырями, существующими подъ видомъ различныхъ богадѣленъ, главенствовали, какъ и прежде, особые чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ. Врядъ ли надо говорить послѣ всего сказаннаго, какъ жилось тамъ подъ опекой этихъ чиновниковъ!

Но еще хуже обстояло дѣло съ веденіемъ книгъ, съ записями о рожденіи, бракѣ и смерти старообрядцевъ. Веденіе этихъ книгъ еще по закону 10 апрѣля 1874 г. было предоставлено полицейскимъ управленіямъ и духовнымъ консисторіямъ... Въ эти книги вносились лишь старообрядцы которые принадлежали къ извѣстному толку отъ рожденія, т.-е. тѣ, у которыхъ родители были старообрядцы, и надъ которыми не было совершено никакихъ таинствъ господствующей церкви. Всѣ остальные должны были числиться противъ своей воли и совѣсти сынами господствующей церкви. При этихъ записяхъ происходили неимовѣрныя злоупотребленія. Нерѣдко исконный старообрядецъ,—старообрядецъ отъ рожденія, зачислялся въ ряды послѣдователей господствующей церкви. Онъ лишался такимъ образомъ возможности имѣть правильную законную семью. Бракъ его, совершенный по старообрядческому обряду, не признавался закономъ, и дѣти его считались незаконнорожденными. Самъ онъ считался отпавшимъ и подлежалъ строгому преслѣдованію закона. На этой почвѣ въ жизни иногда происходили тяжелыя семейныя сцены.

Въ доказательство того, что все, о чемъ мы говорили, не есть измышленіе, напомнимъ, что сами старообрядцы Поволжья въ 1901 г. за подписью 49713 лицъ обратились съ ходатайствомъ къ правительству избавить ихъ отъ „преслѣдованія за мнѣнія о вѣрѣ“; они просили сохранить хотя бы тѣ ограниченныя права, которыя были предоставлены имъ закономъ 3 мая 1883 г. и которыми они почти не пользуются. Эта просьба наглядно показываетъ намъ, какъ примѣнялся въ жизни законъ 3-го мая. Съ изданіемъ этого закона положеніе старообрядцевъ мало измѣнилось къ лучшему.

Конечно, въ это время старообрядцы не подвергались ужасамъ былыхъ временъ. Не существовало ни пытокъ, ни казней. Но тюрьмы и ссылки были до самаго послѣдняго времени обычнымъ явленіемъ. Свобода вѣры ежедневно нарушалась самымъ грубымъ образомъ.

VII. Новые пріемы борьбы со старообрядцами.

Никакія мѣры преслѣдованія, какъ и прежде, конечно, не достигали цѣли. Старообрядчество не уменьшалось. Еще въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія правительство должно было признать, что гоненія старообрядцевъ въ теченіе 200 лѣтъ не увѣнчались никакимъ успѣхомъ. Свѣдѣнія, собранныя правительствомъ въ тѣ годы, показали, что число старообрядцевъ съ каждымъ годомъ лишь умножается. И въ наше время съ цѣлью ослабить старообрядчество правительство, наряду съ прежними мѣрами, стало прибѣгать и къ другимъ мѣрамъ, къ мѣрамъ духовнаго воздѣйствія. Съ этой цѣлью учреждались миссіи, велись собесѣдованія и т. д., но миссіонеры дѣ-

лали свое дѣло при помощи полицейскихъ властей. А при такихъ условіяхъ это увѣщаніе путемъ проповѣди превращалось лишь въ новое насиліе.

Во всѣ концы Россіи Синодъ снаряжалъ миссіи для собесѣдованія со старообрядцами. Кто бывалъ на этихъ собесѣдованіяхъ, тотъ знаетъ, къ какимъ иногда печальнымъ результатамъ приводили они. Нерѣдко старообрядцы, осмѣливавшіеся выступать на собесѣдованіяхъ и рѣзко порицать господствующую церковь или дѣйствія правительства, подвергались ссылкѣ. Такимъ образомъ эти миссіонеры являлись часто, какъ у насъ говорятъ, провокаторами. Вся бесѣда велась въ сущности не для выясненія, на чьей сторонѣ истина, а исключительно лишь для того, чтобы возложить хулу на ученіе старообрядцевъ; часто вѣра старообрядцевъ поносилась самымъ грубымъ образомъ, а такъ какъ отвѣчать нельзя было — это поношеніе было своего рода преслѣдованіемъ „за мнѣнія о вѣрѣ“. Пріемы поношенія у миссіонеровъ нерѣдко бывали тѣ же, что и двѣсти лѣтъ назадъ, когда господствующее духовенство вступало въ споръ съ послѣдователями старовѣрія — тогда и въ печатныхъ книгахъ дѣятели господствующей церкви, напримѣръ, извѣстный Дмитрій Ростовскій, называли двуперстное перстосложеніе „армянскихъ кукишемъ“, „чортовымъ преданіемъ“ и т. д. Конечно, такими пріемами убѣдить старообрядцевъ въ ихъ неправотѣ было трудно. Въ началѣ прошлаго вѣка правительство издало картины, въ которыхъ представляло въ самомъ смѣшливомъ видѣ ученіе старообрядцевъ. И въ наше время печатались съ одобренія Синода самыя грубыя лубочныя картины и книжки, въ которыхъ поносилось старообрядческое ученіе. Такое неуваженіе къ мнѣнію другихъ, притомъ, когда другой лишенъ возможности отвѣтить на поношенія — нельзя иначе назвать,

какъ преслѣдованіемъ за вѣру. Это и было на самомъ дѣлѣ лишь однимъ изъ средствъ преслѣдованія. На старообрядцевъ и устно и печатно возводили самыя нелѣпыя и несуразныя обвиненія. Они выставлялись фальшивомонетчиками и пр. Мощи, которыя чтили старообрядцы, въ этихъ уличныхъ изданіяхъ поносились, какъ подложныя. Бывали даже случаи, когда эти мощи полицейскія власти совмѣстно съ духовенствомъ господствующей церкви уничтожали. Такіе случаи, напримѣръ, происходили неоднократно на Кавказѣ. Все это дѣлалось съ единственной только цѣлью возбудить къ старообрядцамъ ненависть и вражду со стороны остального населенія. Во всеподданнѣйшихъ отчетахъ, которые ежегодно представлялись оберъ-прокуроромъ Правительствующаго Синода, много говорилось о необходимости дѣйствовать на заблуждающихся, т.-е. на старообрядцевъ, „мягкостью и кротостью“ въ „духѣ терпимости“ и христіанской любви, путемъ просвѣщенія черезъ „раскрытіе и уясненіе ихъ неправоты“. На самомъ дѣлѣ правительство дѣлало все, чтобы лишить старообрядцевъ просвѣщенія.

Часто говорятъ о невѣжествѣ старообрядцевъ, но тотъ, кто ближе знакомится со старообрядчествомъ, видитъ, что это неправда. Огромная масса старообрядцевъ принадлежитъ къ народу, къ той крестьянской средѣ, которая почти поголовно до сихъ поръ еще безграмотна. Въ этой средѣ старообрядцы выдѣляются распространенностью грамотности. Если бы не постоянныя препятствія со стороны правительства, образованіе среди старообрядцевъ давно бы подвинулось еще болѣе впередъ. Объ этомъ говорятъ наблюдавшіе лично жизнь старообрядцевъ. Извѣстный изслѣдователь быта старообрядцевъ А. С. Пругавинъ въ своей книгѣ „Старо-

обрядчество во второй половинѣ XIX вѣка" пишетъ: „Еще въ то время, когда почти вся масса русскаго крестьянства коснѣла въ полномъ невѣжествѣ, мы уже видимъ въ старообрядчествѣ несомнѣнные признаки и проблески умственнаго развитія и просвѣщенія. Уже въ это время въ ихъ скитахъ можно было встрѣтить школы, въ которыхъ обучались грамотѣ старообрядческія дѣти обоего пола; въ скитахъ были свои учителя и учительницы, свои библіотеки и цѣлыя канцеляріи, въ которыхъ въ огромномъ количествѣ переписывались разныя старообрядческія книги, тетради, рукописи и т. д."; составлялись стихи, издавались картины и пр. Кромѣ этихъ школъ при скитахъ у старообрядцевъ искони существовали своего рода „подвижныя школы" — извѣстное число бродячихъ учителей ходило изъ села въ село, изъ деревни въ деревню и учило народъ грамотѣ. Въ то же время у нихъ чувствовалась потребность обзавестись и лучшими школами, дать населенію болѣе широкое образованіе. Еще во время Александра I неоднократно возбуждается вопросъ объ учрежденіи старообрядческихъ училищъ. Такія образовательныя школы на протяженіи XIX вѣка возникаютъ во многихъ мѣстахъ при различныхъ старообрядческихъ учрежденіяхъ. Какъ же правительство, говорившее о необходимости вліять на старообрядчество путемъ просвѣщенія, относилось ко всѣмъ этимъ попыткамъ внести въ старообрядческую народную массу свѣтъ просвѣщенія? Не содѣйствіе, а лишь одни тормозы и препятствія мы видимъ со стороны правительства. А. С. Пругавинъ въ своей книгѣ приводитъ нѣсколько наглядныхъ примѣровъ.

Въ царствованіе Николая I старообрядцамъ нечего было и думать объ открытіи школъ. И тѣмъ не менѣе

въ это суровое время были сдѣланы попытки открыть школы. Но правительство немедленно же ихъ закрывало. Такъ въ 1832 г. въ Ригѣ была закрыта старообрядческая школа — единственная русская школа въ городѣ; та же участь постигла въ 1835 г. московское старообрядческое училище. Въ 1839 г. послѣдовало строжайшее запрещеніе выдавать старообрядцамъ свидѣтельство „на право обученія дѣтей". Въ 1850 г. рижскіе старообрядцы ходатайствовали о дозволеніи ихъ дѣтямъ учиться въ гимназіяхъ и университетахъ. Имъ было это дозволено при условіи, что дѣти ихъ присоединятся къ господствующей церкви. Итакъ, мы видимъ, что правительство не только не содѣйствуетъ просвѣщенію старообрядцевъ, но всѣми мѣрами тормозитъ ему. Такое отношеніе старообрядцы встрѣчали въ Николаевское время; такое же отношеніе они встрѣчали и позже. Въ 1879 г. старообрядцы возобновили попытки, которыя уже предпринимались не разъ, получить разрѣшеніе на устройство школъ для дѣтей старообрядцевъ съ курсомъ обученія, приспособленнымъ къ потребностямъ торговаго сословія. Старообрядцы собрали и деньги для обуродованія хорошей школы. Но разрѣшенія на ея открытіе не послѣдовало.

Въ 1868 г. старообрядецъ Шибаевъ открылъ въ Москвѣ школу. Черезъ мѣсяцъ въ училищѣ было уже 80 учениковъ. Учились мальчики и дѣвочки. Учредитель школы на свой счетъ обставилъ школу и пригласилъ учителя. Уже на слѣдующій годъ полиція по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ школу закрыла.

„Глубоко сознавая необходимость ученія, мы просимъ разрѣшить намъ завести свои собственныя училища, гдѣ наши дѣти, укрѣпляясь въ вѣрѣ отцовъ своихъ, изучали бы, кромѣ того, и другія науки". Такъ писали

въ 1881 г. старообрядцы гор. Хвалынска, Саратовской губ. Но и на этотъ разъ голосъ ихъ не былъ услышанъ. По необходимости старообрядцы должны были прибѣгать къ устройству тайныхъ школъ. И различныя старообрядческія братства, отъ времени до времени собиравшіеся съѣзды всегда ставили одной изъ своихъ главныхъ заботъ — обученіе грамотѣ населенія. И несмотря на всѣ препятствія — полиціи отдавались спеціальные приказы слѣдить, чтобы старообрядцы самовольно не открывали школъ, старообрядцы достигали большихъ результатовъ, по сравненію съ дѣятельностью правительства на почвѣ просвѣщенія народа. Безграмотность русскаго крестьянства всѣ знаютъ. Она поражаетъ и теперь, послѣ того какъ въ теченіе болѣе сорока лѣтъ всѣ главнѣйшія заботы земскихъ учрежденій были направлены на развитіе грамотности. Легко себѣ представить, что было въ то время, когда не существовало земства! Между тѣмъ среди старообрядцевъ число грамотныхъ довольно значительно: уже въ пятидесятыхъ годахъ офиціальные изслѣдователи быта старообрядцевъ отмѣчали, что у старообрядцевъ 1 грамотный приходился на 3 неграмотныхъ. Въ нѣкоторыхъ районахъ, заселенныхъ старообрядцами, грамотность составляла почти всеобщее достояніе. И грамотная часть старообрядцевъ часто передавала свое знаніе лишенной просвѣщенія другой части русскаго крестьянства, числящагося въ рядахъ господствующей церкви. Самобытные народные учителя, вышедшіе изъ старообрядчества, имѣли большое вліяніе на распространеніе въ населеніи грамотности. Въ этомъ отношеніи они принесли большую пользу Россіи. Но и за эти заслуги правительство ихъ лишь преслѣдовало.

Старообрядцамъ болѣе, чѣмъ кому-нибудь, нужна была грамотность. Лишенные правительственной поддержки,

они должны были сами озабочиваться объ удовлетвореніи своихъ духовныхъ нуждъ. Не имѣя часто и священника, они сами въ какомъ-нибудь закоулкѣ въ Россіи должны были отправлять необходимыя требы. Первоначальная хотя бы грамотность для этого была необходима.

Старообрядцы, лишенные возможности печатать въ Россіи свои богослужебныя книги и сочиненія, должны были свои типографіи перенести за границу. Тамъ же издавались старообрядцами и спеціальныя газеты, посвященныя выясненію нуждъ старообрядческаго населенія. Оттуда иногда съ опасностью для жизни перевозили они богослужебныя книги и снабжали ими молельни, раскинутыя по всему пространству земли русской. Заводили они и подпольныя типографіи въ Россіи. Какъ строго ни преслѣдовало правительство вплоть до послѣдняго времени всѣ эти нарушенія закона, сколько ни посылалъ Синодъ своимъ подчиненнымъ іерархамъ приказы содѣйствовать полиціи въ отысканіи запрещенныхъ старообрядческихъ книгъ, какъ ни старательно производила полиція обыски — всего нельзя было уничтожить. Десятки типографій закрывались, сотни, если не тысячи, книгъ отбирались. Жизнь все-таки брала свое. Книги печатались, потому что онѣ были нужны. И всѣ правительственныя преслѣдованія не достигали въ концѣ концовъ цѣли.

VIII. Наканунѣ свободы.

Не смотря на всѣ неудачи, правительство не хотѣло сознаться въ безполезности гоненій. Преслѣдованія продолжались вплоть до самаго послѣдняго времени, когда

снова на горизонтѣ русской жизни взошла заря свободы золотой. Какъ въ Крымскую, такъ и въ послѣднюю Японскую войну особенно ярко обнаружился вредъ, приносимый чиновничьимъ владычествомъ въ Россіи. Волненія, охватившія подъ вліяніемъ этого всю страну, волненія, продолжающіяся и въ наши дни, заставили правительство итти на уступки. Подъ вліяніемъ разыгравшихся въ Россіи событій правительство дало обѣщаніе провести необходимыя преобразованія, которыя могли бы удовлетворить нужды народа. Манифестомъ 17 октября 1905 г. былъ окончательно уничтоженъ прежній самодержавно-чиновничій строй, и введено народное правленіе. За полгода передъ тѣмъ была объявлена въ Россіи и свобода вѣры. Высочайшій указъ 17-го апрѣля объявилъ всему русскому народу, что съ этого дня въ Россіи уничтожаются гоненія за вѣру, что съ этого дня каждый русскій гражданинъ свободенъ исповѣдывать ту христіанскую вѣру, которую онъ считаетъ истиной. Правительство заявило, что оно не будетъ преслѣдовать, какъ прежде, штрафами и тюремными заключеніями, несогласныхъ съ ученіемъ и правилами господствующей церкви, что оно предоставляетъ каждому вѣрить не за страхъ, а за совѣсть, по собственному разумѣнію. Милліоны гонимыхъ и преслѣдуемыхъ послѣ долгихъ и тяжкихъ испытаній въ теченіе многихъ-многихъ лѣтъ получили по указу возможность уже открыто, а не тайно исповѣдывать свое вѣроученіе. Получили эту возможность послѣ 250 лѣтъ безконечныхъ преслѣдованій и старообрядцы. Казалось, вотъ теперь и должна наступить золотая пора для старообрядцевъ. Но этого на дѣлѣ не послѣдовало.

Борьба съ народомъ затянулась надолго, и отъ исхода этой борьбы зависитъ все будущее старообрядцевъ.

Правдивость этого доказать нетрудно на примѣрахъ; стоитъ лишь окинуть взоромъ то, что дѣлало правительство послѣ изданія манифеста о свободѣ. Возьмемъ ту область, которая намъ ближе — свободу вѣры.

Обѣщавъ устранить немедленно всѣ стѣсненія въ области вѣры, правительство въ сущности далеко не выполнило своего обѣщанія. Конечно, всякій знаетъ, какія большія облегченія наступили для тѣхъ, которыхъ прежде такъ усиленно гнали. Распечатаніе въ прошломъ году алтарей въ храмахъ Рогожскаго кладбища, находившихся въ теченіе 49 лѣтъ подъ полицейскими печатями и сгнившихъ въ запустѣніи, — можетъ служить самымъ разительнымъ примѣромъ для старообрядцевъ. Эти облегченія давало правительство, чувствуя свою слабость передъ могучимъ движеніемъ народа, единодушно поднявшагося за свои попранныя права. Но борьба идетъ, какъ всегда, съ перемѣннымъ успѣхомъ. На сторонѣ правительства сила, которую трудно сокрушить. И въ то время когда правительство вновь чувствуетъ себя окрѣпшимъ, оно стремится взять обратно то, что дало въ минуты своей слабости. Наглядный примѣръ сказанному можемъ найти въ законахъ о свободѣ вѣры.

Для того, чтобы провозглашенная вѣротерпимость не осталась на одной лишь бумагѣ, какъ это много разъ прежде бывало съ различными законами и, между прочимъ, съ закономъ 3 мая 1883 г. о старообрядцахъ, надо было пересмотрѣть всѣ старые законы и согласовать ихъ съ новымъ указомъ. Этимъ пересмотромъ старыхъ законовъ и занялись тѣ самые чиновники, которые прежде установили законы, нарушающіе свободу вѣры. Пока же чиновники исполняли свою работу, правительство понемногу, незамѣтно вводило ограниченія

въ объявленную свободу вѣры. Прошелъ лишь мѣсяцъ съ объявленія вѣротерпимости, какъ министромъ внутреннихъ дѣлъ было отдано распоряженіе губернаторамъ, поясняющее, какъ должны они осуществлять данную свободу вѣры. Вотъ что говорилось въ этомъ предписаніи: „если по ввѣренной вашему превосходительству губерніи были изданы какія-либо правила, ограничивающія старообрядцевъ и сектантовъ въ правахъ на государственную службу и общественную, то въ *точное* исполненіе... Высочайшихъ повелѣній правила эти должны прекратить свое дѣйствіе, если только вы, милостивый государь, въ виду соображеній особливой важности, не признаете необходимымъ сохранить ихъ въ силѣ и на будущее время". Далѣе, тотъ же циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ разъяснялъ, что свободное отправленіе общественныхъ богомоленій допускается лишь въ томъ случаѣ, если они не заключаютъ въ себѣ нарушенія дѣйствующихъ и понынѣ постановленій, опредѣляющихъ недозволенное *публичное* оказательство раскола". Такимъ образомъ осуществленіе манифеста 17-го апрѣля на мѣстахъ было предоставлено всецѣло на усмотрѣніе власти. Хотѣла эта власть — она давала населенію свободу вѣры; не хотѣла — могла и не давать. Придирки для сохраненія на мѣстахъ различныхъ стѣснительныхъ мѣръ найти было не трудно. При всякомъ удобномъ случаѣ ничего не стоило воспользоваться запрещеніемъ „публичнаго оказательства" вѣры. Вспомнимъ, что́ въ 80-хъ годахъ администрація относила къ публичному оказательству, и тогда ясно будетъ, какъ легко было попирать на каждомъ шагу самымъ грубымъ образомъ свободу вѣры...

Итакъ, черезъ мѣсяцъ уже указъ 17-го апрѣля былъ ограниченъ; протекло еще немного времени, и появи-

лось новое ограниченіе, снова въ видѣ распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ. Указъ 17-го апрѣля предоставлялъ всѣмъ гражданамъ мѣнять по своему убѣжденію вѣру, членъ господствующей церкви получалъ право перейти въ любое христіанское вѣроисповѣданіе. Вотъ по этому поводу и были изданы министерствомъ временныя правила, въ которыхъ говорилось, что члены господствующей церкви, желающіе перемѣнить вѣру, должны предварительно подать объ этомъ заявленіе мѣстному губернатору; на губернатора же возлагалась обязанность выяснить предварительно черезъ духовное начальство, какими причинами вызывается предполагаемый переходъ, и приняты ли мѣры увѣщанія по отношенію къ отпадающему. И только въ случаѣ безуспѣшности такого увѣщанія, заявленію дается дальнѣйшій ходъ. Такимъ образомъ и здѣсь свободный выходъ изъ господствующей церкви былъ поставленъ всецѣло въ зависимость отъ усмотрѣнія мѣстныхъ властей. Свобода вѣры съ разрѣшенія губернатора не есть, конечно, свобода вѣры. Вскорѣ за этими распоряженіями послѣдовало еще одно: министръ разъяснилъ, что всякая попытка совратить члена господствующей церкви подлежитъ постарому уголовному наказанію.

Таковы были временныя распоряженія министерства. Намъ скажутъ, быть можетъ, что временныя распоряженія не могутъ итти въ счетъ. Но и постоянныя распоряженія, т.-е. законы, изданные уже послѣ указа о свободѣ вѣры, носили тотъ же характеръ, что и временныя распоряженія министерства. Правительственные чиновники, приступившіе къ переработкѣ законовъ, должны были, конечно, все пересмотрѣть заново. Наши законы въ области вѣры писались въ тѣ времена, когда въ Россіи царила религіозная нетерпимость, когда про-

цвѣтали гоненія за вѣру. Поэтому и самые законы отличались такой же нетерпимостью. Конечно, съ провозглашеніемъ свободы вѣры ихъ слѣдовало въ корень измѣнить. Но этого правительственные чиновники не сдѣлали. Все осталось постарому. Напримѣръ, законъ 14 марта 1906 г. въ полной силѣ сохранилъ распоряженіе министерства о преслѣдованіи за совращеніе. По этому закону виновный въ попыткѣ совратить члена господствующей церкви, хотя бы эта попытка выразилась лишь въ передачѣ сочиненія или произнесеніи публичной рѣчи, подвергается заключенію въ крѣпость на одинъ годъ. Вмѣсто свободы вѣры, какъ увидимъ мы дальше, при такихъ условіяхъ получается нѣчто несообразное. Итакъ, обстоитъ во всѣхъ областяхъ закона. Мы видимъ, что и самъ законъ не лучше временныхъ министерскихъ распоряженій. Но мы должны помнить при этомъ, что всегда въ Россіи временныя распоряженія въ жизни имѣли большее значеніе, чѣмъ самъ законъ. Министерство, не отвѣтственное за свои дѣйствія передъ народными представителями, дѣлало что хотѣло, и не думая считаться даже съ существующими законами. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить примѣненіе въ жизни закона 3 мая 1883 г. о старообрядцахъ. Законъ этотъ на бумагѣ существовалъ, но въ жизни не примѣнялся. Такія же мѣры ограниченія начало предпринимать наше чиновничество и по отношенію къ указу 17-го апрѣля. Эти ограниченія вводились понемногу и незамѣтно. Правительство не чувствовало себя достаточно сильнымъ, чтобы сразу взять назадъ то, что уже было дано. Волненія продолжались, и часто правительству вновь приходилось итти даже на большія уступки, чѣмъ прежде. Но тѣмъ не менѣе эти ограниченія постепенно все болѣе и болѣе проникали въ жизнь. И, конечно, разъ только востор-

жествуютъ старые порядки, будетъ взята назадъ и свобода вѣры. Лишатся ея такимъ образомъ и старообрядцы.

Въ нашемъ утвержденіи, что вслѣдствіе ограниченій, изданныхъ послѣ объявленія указа 17-го апрѣля, свобода вѣры въ дѣйствительности не осуществилась вполнѣ, нѣтъ преувеличеній. За истекшія полтора года можно было бы собрать много фактовъ, подтверждающихъ это. Въ цѣломъ рядѣ мѣстъ продолжали существовать притѣсненія. Это и слѣдовало ожидать, разъ осуществленіе свободы вѣры было предоставлено, какъ мы уже видѣли, на усмотрѣніе администраціи. Само правительство должно было въ концѣ концовъ признать, что старообрядцы вплоть до послѣдняго времени не могли воспользоваться дарованными правами. По признанію самого правительства старообрядцы встрѣчали на дѣлѣ постоянныя затрудненія и препятствія со стороны мѣстныхъ властей. Причиной этихъ препятствій правительство считало отсутствіе точнаго закона. И вотъ, 17 октября 1906 г., чтобы устранить эту причину, былъ изданъ новый законъ о старообрядческихъ общинахъ. Его издали послѣ роспуска первой Государственной Думы, почти наканунѣ выборовъ народныхъ представителей во вторую Думу, очевидно, съ цѣлью привлечь на свою сторону старообрядцевъ, показать имъ, что нынѣшнее правительство печется объ ихъ нуждахъ, что эти нужды дороги и близки правительству. И на первый взглядъ новый законъ, дѣйствительно, много даетъ старообрядцамъ.

Отнынѣ старообрядцамъ предоставляется право учреждать свои религіозныя общины, открывать храмы и молитвенные дома. Вошедшіе въ составъ общины выбираютъ себѣ руководителей, которые и управляютъ дѣлами. Духовные наставники общины сами ведутъ метрическія книги, т.-е. книги съ записями о рожденіи,

бракѣ и смерти; эти наставники признаются духовными лицами, которыя пользуются всѣми правами, предоставляемыми у насъ этимъ лицамъ; старообрядческіе священнослужители имѣютъ право носить присвоенное имъ одѣяніе и т. д.

Какъ видно изъ этого, законъ 17-го октября вноситъ большое новшество въ многострадальную прежде жизнь старообрядцевъ. Но это кажется лишь на первый взглядъ. Если мы всмотримся въ этотъ законъ болѣе внимательно, то увидимъ, что въ немъ сохранено главное зло, причинявшее столько горя старообрядцамъ. Администраціи, по старому, предоставлено слишкомъ много власти надъ учреждаемыми общинами. Для учрежденія общины, не менѣе пятидесяти человѣкъ должны подать заявленіе; губернское или областное правленіе разсматриваетъ это заявленіе и разрѣшаетъ или отказываетъ въ открытіи общины. Въ законѣ точно не указано, при какихъ условіяхъ можетъ послѣдовать это запрещеніе. И администрація можетъ подъ самыми разнообразными предлогами отказывать въ учрежденіи общины. Администрація, разрѣшивъ общину, можетъ ее въ любое время безъ достаточныхъ основаній закрыть, если признаетъ ее вредной.

Лица, выбранныя въ наставники, должны получить согласіе губернатора на ихъ утвержденіе въ этой должности, и, слѣдовательно, администрація всегда можетъ устранить изъ числа выборныхъ неугодныхъ себѣ лицъ. Администрація, когда угодно, можетъ провѣрять книги, которыя ведутся при общинѣ. Для открытія храмовъ, молитвенныхъ домовъ и пр. требуется также разрѣшеніе со стороны губернаторовъ и градоначальниковъ. Послѣдніе, если захотятъ, могутъ тормозить открытіе храмовъ и молитвенныхъ домовъ. Община не имѣетъ права выбирать

въ свои наставники лицъ, подлежащихъ суду и удаленныхъ изъ сословныхъ собраній. Для того чтобы оцѣнить, какое препятствіе ставитъ послѣдняя статья, вспомнимъ, что за послѣднее время изъ сословныхъ обществъ удаляются лучшіе русскіе люди; кто, наконецъ, теперь не привлекается по тому или другому политическому дѣлу? Ясно, какой просторъ даетъ законъ администраціи; сколь произвольны могутъ быть распоряженія мѣстныхъ властей.

Цѣлой густой сѣтью другихъ мелочныхъ требованій опутана дѣятельность религіозныхъ общинъ; чуть ли не каждая статья новаго закона открываетъ широкое поле для постоянныхъ и самыхъ разнообразныхъ придирокъ со стороны мѣстныхъ властей. Трудно, конечно, при такихъ условіяхъ думать, что съ изданіемъ новаго закона для старообрядцевъ наступитъ золотая пора. Для этого потребовалось бы прежде всего въ корень измѣнить всѣ наши порядки. Новые законы могутъ оказаться мертвой буквой, и на дѣлѣ будетъ лишь старое безправіе. То, что прежде дѣлалось безъ закона, будетъ теперь дѣлаться на основаніи закона. Религіозная свобода будетъ допускаться настолько, насколько это будетъ угодно мѣстной администраціи. Главное зло русской жизни — произволъ администраціи не устраненъ. И пока администраціи предоставлено право вмѣшиваться въ религіозную жизнь русскихъ гражданъ — никакой свободы вѣры въ Россіи быть не можетъ.

Но не все дѣло въ злоупотребленіяхъ администраціи, которая часто слѣпо исполняетъ лишь то, что ей повелѣваютъ свыше. И законъ долженъ обезпечивать гражданамъ дѣйствительную и полную свободу вѣры. Есть народная поговорка: „Законы святы, да исполнители — лихіе супостаты“. Но о святости нашихъ законовъ говорить трудно. Если мы, говоря о законѣ 17-го октября

о религіозныхъ общинахъ, вспомнимъ другіе законы о вѣротерпимости, изданные послѣ манифеста 17-го апрѣля, то увидимъ, что старообрядцы, когда они будутъ осуществлять свои новыя права, будутъ неизбѣжно наталкиваться на затрудненія и препятствія.

Прежде всего обратимъ вниманіе на то, что свобода вѣры манифестомъ 17-го апрѣля дана всѣмъ безъ исключенія русскимъ гражданамъ, но учредить религіозную общину могутъ лишь тѣ, которыхъ числится не менѣе *50 человѣкъ*, такъ какъ за подписью именно пятидесяти лицъ должно быть подано администраціи заявленіе объ открытіи общины. Ну а тѣ, которые не желаютъ образовать общины; тѣ, которыхъ вообще числится меньше — что же? они могутъ воспользоваться правами, которыя предоставлены религіознымъ обществамъ? Могутъ они учредить себѣ молитвенный домъ? Казалось бы, въ этомъ не должно быть сомнѣнія, но законъ 17 октября говоритъ лишь о разрѣшеніи строить молитвенные дома общинамъ, утвержденнымъ правительствомъ. Не надо быть большимъ пророкомъ, чтобы предсказать, что на дѣлѣ тѣ, которые не будутъ образовывать общины, будутъ лишаться права открывать молитвенные дома. И легко можетъ случиться, что собравшіеся для совмѣстной молитвы, полиціей будутъ разгоняться на томъ основаніи, что они устроили „незаконное сборище“!

Свобода вѣры въ такомъ случаѣ останется лишь на бумагѣ. Далеко не всѣ будутъ въ состояніи ею воспользоваться.

Представимъ себѣ далѣе, что какая-нибудь группа старообрядцевъ, выполнивъ всѣ требованія закона, учредила общину. Допустимъ, что община эта разрѣшена правительствомъ; выборные ея утверждены мѣстными властями и т. д. Однимъ словомъ, община начала дѣйствовать.

И на первыхъ же порахъ она должна натолкнуться на неопреодолимыя препятствія.

Только тогда, можно сказать, въ государствѣ установлена полная свобода вѣры, когда послѣдователи всѣхъ вѣроученій пользуются правомъ открыто исповѣдывать и проповѣдывать свою вѣру. Если правительство не будетъ, какъ прежде, преслѣдовать людей, не согласныхъ съ ученіемъ господствующей церкви, это еще не значитъ, что оно признаетъ свободу вѣры. Въ сущности, и послѣ объявленія манифеста 17-го апрѣля публично отправлять богослуженія старообрядцамъ у насъ не дозволено. И, слѣдовательно, здѣсь „усмотрѣніе“ властей ничѣмъ не ограничено. Представимъ себѣ, что какая-нибудь община старообрядцевъ рѣшитъ устроить крестный ходъ. И ей это будетъ запрещено. Такіе случаи бывали уже неоднократно. По тѣмъ же причинамъ ей будутъ препятствовать при устройствѣ похоронъ своего единовѣрца, что̀ также бывало не разъ за послѣднее время. Мало того. Представимъ себѣ, что какая-нибудь община устроитъ собесѣдованіе о вѣрѣ. Будутъ на собесѣдованіи и православные. Полиція можетъ привлечь устроителей такой бесѣды къ отвѣтственности по закону 14 марта 1906 года.

Можетъ ли при такихъ условіяхъ правильно дѣйствовать община? Отвѣтъ очевиденъ. Нѣтъ, при такихъ условіяхъ свобода вѣры невозможна. Всѣ законы наши въ этой области должны быть пересмотрѣны и измѣнены.

Мало дать старообрядцамъ право учреждать религіозныя общины, надо это разрѣшеніе обставить такими условіями, при которыхъ свобода вѣры не попиралась бы ежедневно самымъ грубымъ образомъ. Иначе свобода вѣры сдѣлается пустымъ словомъ. Въ жизни будетъ господствовать прежняя нетерпимость.

IX. Церковь и государство.

Что же надо сдѣлать? Разсказанное нами какъ бы само даетъ отвѣтъ. За что гнали старообрядцевъ въ теченіе 250 лѣтъ? Ихъ гнали за то, что они не хотѣли подчиниться государственной церкви и свято хранили, свои убѣжденія. Непризнаніе государственной церкви, по мнѣнію правительства, было равносильно непризнанію самого правительства. Люди, которые отстаивали лишь право вѣрить по собственному разумѣнію, были признаны государственными преступниками. Иначе и не могло быть: наше правительство всегда считало, что церковь и государство тѣсно связаны между собой. Правительство полагало, что ущербъ, наносимый церкви, объявленной государственной, господствующей, отзывается и на положеніи власти. „Православіе“ и самодержавіе неразрывны. Такъ думало правительство, т.-е. вся чиновничья, не народная Русь. Государство и церковь заключили между собой какъ бы союзъ для взаимной поддержки. Церковь одобряла все, что дѣлало правительство; послѣднее поддерживало всѣми средствами неприкосновенность и могущество господствующей церкви. Но этотъ союзъ неизбѣжно долженъ былъ привести къ печальнымъ результатамъ для господствующей церкви.

Государство, имѣющее въ своемъ распоряженіи силу, должно было совсѣмъ подчинить себѣ церковь. Это и случилось на дѣлѣ. Русскій императоръ былъ объявленъ главою церкви. Господствующая церковь сдѣлалась въ концѣ концовъ лишь слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ правительства. Она дѣлала лишь то, что ей повелѣвало правительство. Церковь какъ бы поступила на службу

къ правительству, она надѣла, по выраженію одного русскаго писателя, чиновничій мундиръ. Такое полное подчиненіе государству ознаменовалось учрежденіемъ императоромъ Петромъ I Правительствующаго Синода, во главѣ котораго былъ поставленъ оберъ-прокуроръ — „добрый человѣкъ изъ офицеровъ“. Этотъ чиновникъ и сдѣлался вершителемъ судебъ господствующей церкви. Въ канцеляріи синодскаго оберъ-прокурора и министерства внутреннихъ дѣлъ отнынѣ разрѣшались дѣла, касающіяся совѣсти русскихъ обывателей. Церковь превратилась въ одно изъ вѣдомствъ чиновничьяго управленія. Въ этомъ вѣдомствѣ были не церковные служители, а чиновники, за свое усердіе жалуемые, начиная со времени императора Павла, орденами. Такое положеніе господствующей церкви прежде всего роковымъ образомъ отозвалось на самой церкви. Каждая церковь, всякое вѣроученіе сильно только своимъ нравственнымъ вліяніемъ. Господствующей церкви нечего было заботиться о своемъ преуспѣваніи, эти заботы взяло на себя правительство, охранявшее своими средствами неприкосновенность церкви. Тамъ гдѣ нѣтъ жизни, наступаетъ смерть. И господствующая церковь замерла въ своемъ развитіи. Какъ въ огромной канцеляріи всѣ дѣла въ ней рѣшались по опредѣленному, разъ навсегда установленному порядку.

Подчинившись всецѣло свѣтской власти, она сдѣлалась ея главной опорой, — опорой реакціи, защитницей безправія и насилія въ русской жизни.

Правительство, опиравшееся исключительно на полицейскую власть, только полицейскими мѣрами могло охранять неприкосновенность господствующей церкви. Оно насильно задерживало членовъ господствующей церкви въ той вѣрѣ, которую они приняли съ дѣтства;

вѣрнѣе сказать, каждый членъ господствующей церкви навсегда со всѣмъ своимъ потомствомъ долженъ былъ оставаться въ этой церкви. Преслѣдуя отступленіе, правительство въ вопросахъ вѣры установило своего рода крѣпостную зависимость. Только господствующей церкви было предоставлено право проповѣдывать свое ученіе. Попытка проповѣдывать другое ученіе влекла за собой строгое уголовное наказаніе — тюрьму или ссылку. Всѣхъ несогласныхъ съ господствующей церковью правительство преслѣдовало, не дозволяя имъ не только проповѣдь, но и отправленіе богослуженія. Такими средствами, — средствами насилія и закрѣпощенія, обезпечивалось видимое господство государственной церкви и казеннаго вѣроисповѣданія.

Вотъ этого главенства государственной церкви старообрядцы не хотѣли признать. Не пожелали они признать и Правительствующаго Синода, т.-е. права за чиновничьимъ учрежденіемъ вѣдать дѣлами совѣсти русскихъ гражданъ. Старообрядцы всегда заявляли себя сторонниками полной свободы совѣсти и врагами того союза церкви и государства, который былъ установленъ въ Россіи. Церковь и государство, по ихъ мнѣнію, должны быть раздѣльны, потому что церковь и государство вѣдаютъ различныя области. Еще въ первые годы жизни старообрядчества, когда патріархъ Никонъ хотѣлъ церковь поставить выше государства, подчинить послѣднее церкви, Аввакумъ писалъ противъ него и доказывалъ, что отношенія церкви къ государству должны быть установлены по евангельскому завѣту: „Воздадите кесаря кесареви, а божія Богови“. Аввакумъ не считалъ возможнымъ, чтобы церковь вмѣшивалась въ свѣтскія дѣла — въ ея вѣдѣніи находится лишь духовная жизнь гражданъ; но когда государство стало вмѣшиваться

въ дѣла церкви, Аввакумъ также возсталъ противъ этого: „Въ коихъ правилахъ писано,—спрашиваетъ онъ въ посланіи къ царю Алексѣю Михайловичу,—царю церковью владѣть и догматы измѣнять, Святая кадить?“ Итакъ, Аввакумъ требовалъ, чтобы церковь и государство были раздѣльны. Осуждая гоненія, которыя воздвигла свѣтская власть на старообрядцевъ, Аввакумъ въ своемъ знаменитомъ житіи писалъ: „Чудо! какъ-то въ познаніе не хотятъ прійти! Огнемъ да кнутомъ, да висилицей хотятъ вѣру утвердить! Которые-то апостолы научили такъ? не знаю. Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ да кнутомъ, да висилицей въ вѣру приводить“!...

Точно такимъ же образомъ относились къ вопросу объ отдѣленіи церкви отъ государства и о свободѣ совѣсти старообрядцы и впослѣдствіи. Когда Петръ I заявилъ, что онъ хочетъ быть „единственнымъ начальникомъ“ русской церкви: „Богу изволившу направлять мнѣ гражданство и духовенство, я имъ обое — государь и патріархъ“, старообрядцы съ этимъ не соглашались. Въ одной старинной старообрядческой рукописи XVIII столѣтія мы находимъ такое рѣзкое сужденіе по поводу стремленій Петра: „Егда исполнися 1666 лѣтъ, въ то лѣто царь Алексѣй Михайловичъ съ Никономъ отступи отъ св. православной вѣры, а послѣ его въ третьихъ восцарствова на престолѣ всея Русіи сынъ его Петръ, и нача превозноситеся паче всѣхъ глаголемыхъ боговъ, сирѣчь помазанниковъ, и нача величатися и славитися передъ всѣми, гоня и муча православныхъ христіанъ и распространяя свою новую вѣру, и... уничтожи патріаршество, дабы ему единому властвовать, не имѣя равнаго себѣ, дабы кромѣ его никакихъ дѣлъ не творили, но имѣли бы его единого превысочайшею

главою, судіею всей церкви, пріялъ на себя титлу патріаршескую и именовался отецъ отечества и глава церкве Россійскія и бысть самовластенъ, не имѣя никого себѣ въ равенствѣ, восхитивъ на себя не точію царскую, но и патріаршую власть, и нача себя величати и славити... Понеже Петръ нача гоните и льстите и искореняти въ Русіи православную вѣру, свои новыя умыслы уставляя, нова законоположенія полагая... и самъ бысть надъ ними главою и судьею главнѣйшимъ. Тако нача той глаголемый богъ паче мѣры возвышатися, зрите человѣцы и вонъмите и разсмотрите по святому писанію, въ кіихъ лѣтѣхъ жительствуемъ и кто нынѣ обладаетъ вами: ибо духъ Петровъ царствуетъ во всѣхъ до скончанія вѣка... ибо духъ государей русскихъ есть духъ Петра Великаго. Петръ Великій, восхищая на себя славу сына превысочайшаго, именовался Петръ Первый, именовался божествомъ Русіи, якоже свидѣтельствуетъ книжка: „кабинетъ Петра“: онъ богъ твой, онъ богъ твой, о Россія! Намъ же православнымъ христіанамъ подобаетъ всеусердно держатися отеческаго наказанія. Подобаетъ намъ жизнь препровождати въ безмолвіи и въ пустыняхъ, яко Господь черезъ Іеремію пророка взываетъ: *изыдите, изыдите, люди моя, изъ Вавилона*“...

Приведенный отрывокъ изъ старинной рукописи наглядно показываетъ, какъ относились старообрядцы къ подчиненію церкви государствомъ. Въ одной позднѣйшей старообрядческой рукописи, озаглавленной: „Зеркало для духовнаго внутренняго человѣка“, еще болѣе опредѣленно говорится о вредѣ вмѣшательства государства въ дѣла, касающіяся лишь совѣсти человѣка. Вотъ что говорится въ ней: „Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ: „одинъ рабъ двумъ господамъ работать не можетъ“, но Онъ же говоритъ: „воздадите убо кесаря кесареви,

а божія Богови"; поэтому царю слѣдуетъ только подати и оброки собирать; ему въ духовныя дѣла вмѣшиваться не слѣдуетъ. Духовное духовными разсуждается; какая же нужда царю за вѣры сажать въ крѣпости? Пускай всякая вѣра сама собою окажетъ плодъ евангельской добродѣтели; нѣтъ надобности мученіемъ приводить въ вѣру по подобію языческому. Какъ архіереямъ неприлично входить въ распоряженіе войскомъ, такъ и государю не слѣдуетъ касаться до вѣры"...

Можно было бы привести еще не мало такихъ примѣровъ изъ старинныхъ рукописей. Взгляды старообрядцевъ въ огромномъ большинствѣ до послѣдняго времени не измѣнились. И вотъ, за то, что они отрицали государственную церковь, ихъ, главнымъ образомъ и преслѣдовали на протяженіи истекшихъ 200 лѣтъ. Еще въ 1682 году, когда выборные отъ стрѣльцовъ явились къ патріарху и задали вопросъ, за что правительство преслѣдуетъ ревнителей старой вѣры, они получили въ отвѣтъ: „Мы за крестъ и молитву не жжемъ и не пытаемъ, жжемъ за то, что не повинуются церкви". Петръ Великій относительно „раскольниковъ" положилъ: „подлежатъ такой казни, какъ противники власти". Тѣ, которые держались старовѣрія, были приравнены къ политическимъ преступникамъ: они оказывали „противное царскаго пресвѣтлаго Величества именному указу". Но какъ разъ старообрядцы полагали, что правительство не имѣетъ права вмѣшиваться въ духовныя дѣла.

Такъ смотрятъ на дѣло всѣ, кто дѣйствительно является сторонникомъ свободы совѣсти. Такъ установлено во всѣхъ культурныхъ государствахъ. Вѣра есть частное дѣло, и государство не можетъ указывать гражданину, какъ онъ долженъ вѣрить. Каждый воленъ исповѣдывать и проповѣдывать любую религію; въ государствѣ

не могутъ быть допущены никакія преслѣдованія за исповѣдуемыя убѣжденія, за перемѣну или отказъ отъ вѣроученія. Это дѣло совѣсти человѣка. Вѣрующіе свободно могутъ составлять общества, отправлять богослуженіе и заботиться о распространеніи своей вѣры, о ея процвѣтаніи и успѣхѣ. Заботы же государства заключаются лишь въ охранѣ религіозной свободы гражданъ, т.-е. государство обязано преслѣдовать всякое насиліе, учиняемое кѣмъ бы то ни было надъ совѣстью и религіозными убѣжденіями человѣка. И только тогда, когда дѣйствительно будетъ уничтожена государственная опека надъ церковью, т.-е. надъ религіозными убѣжденіями гражданъ, — осуществится въ Россіи свобода вѣроисповѣданій.

Но вотъ этого разграниченія вѣдомствъ церкви и государства наше правительство не желаетъ признать. Оно не было признано даже и въ указѣ 17-го апрѣля о свободѣ вѣры, въ томъ указѣ, который въ жизни подвергся, какъ мы уже видѣли, важнымъ урѣзкамъ и ограниченіямъ. По этому указу одна лишь государственная церковь, постарому, имѣла право проповѣдывать свое вѣроученіе. Господствующая церковь попрежнему пользовалась огромными преимуществами передъ другими вѣроученіями. Но и господствующая церковь, какъ и всѣ другія церкви, подлежали опекѣ свѣтской власти. А въ этой опекѣ, какъ старались мы показать, и заключается главное зло, препятствующее установленію въ Россіи свободы совѣсти. Ясно, что для установленія въ Россіи свободы совѣсти необходимо коренное переустройство существующихъ порядковъ.

X. Свобода совѣсти и политическія партіи.

Какимъ же образомъ мы можемъ добиться переустройства существующихъ порядковъ? Изъ всего изложеннаго можно было видѣть, что только установленіе народнаго правленія, передъ которымъ всѣ правительственные чиновники будутъ отвѣтственны въ своихъ дѣйствіяхъ, поведетъ къ полному уничтоженію старыхъ порядковъ. И всѣ наши заботы такимъ образомъ должны быть направлены теперь къ тому, чтобы водворить у себя на родинѣ такое народное правленіе, которое отвѣчало бы нуждамъ страны. Къ этому должны быть направлены и заботы старообрядцевъ, которые, пожалуй, еще болѣе другихъ нуждаются въ прочномъ, незыблемомъ установленіи народнаго правленія и той свободы совѣсти, которой они были лишены при старомъ порядкѣ на протяженіи болѣе 250 лѣтъ.

Когда созвана была первая Государственная Дума, взоры всѣхъ были обращены на народныхъ избранниковъ. Изстрадавшійся въ горькой вѣковой неволѣ русскій народъ надѣялся, что падутъ, наконецъ, рабскія цѣпи и взойдетъ надъ русской землей заря „свободы золотой“. Но судьба судила иное! И теперь, вмѣсто ожидаемаго успокоенія, впереди открывается такая же упорная и, быть можетъ, еще долгая борьба. Но прошлое не пропало даромъ.

Русскій народъ добился важнаго права — посылать своихъ представителей для рѣшенія государственныхъ дѣлъ. И это право, существующее нынѣ во всѣхъ культурныхъ, образованныхъ государствахъ — право, котораго такъ долго былъ лишенъ русскій народъ, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Въ Россіи есть Государ-

ственная Дума, есть народные представители, съ мнѣніемъ которыхъ, такъ или иначе, должно считаться чиновничье правительство. Государственная Дума можетъ быть и вновь распущена — и все же въ концѣ концовъ ея голосъ долженъ одержать верхъ: „голосъ народа — голосъ Божій“—говоритъ русская пословица. Черезъ Думу, черезъ своихъ представителей народъ получилъ возможность законодательнымъ путемъ добиваться нужныхъ правъ.

И успѣхъ дѣла такимъ образомъ зависитъ отъ того, кого народъ будетъ посылать въ Государственную Думу.

Конечно, голосъ народныхъ представителей только тогда будетъ голосомъ всего русскаго народа, когда всѣ получатъ право выбирать народныхъ представителей. Теперь этого еще нѣтъ.

И тѣмъ болѣе, каждый русскій гражданинъ, кому дорога только родина, долженъ всѣ силы употребить на то, чтобы въ Государственную Думу попадали люди, дѣйствительно достойные, которые могли бы тамъ отстаивать народныя нужды и не подчинились бы изъ-за личной выгоды власть имущимъ.

Итакъ, отъ народныхъ избранниковъ зависитъ будущее Россіи. Зависитъ оно, слѣдовательно, и отъ старообрядцевъ. И теперь, какъ для всѣхъ русскихъ гражданъ, такъ и для старообрядцевъ важность выборовъ въ Государственную Думу несомнѣнна. Только тогда, когда въ Россіи будетъ правильное народное правленіе; когда произволъ власти замѣнится закономъ, который никто не въ правѣ будетъ нарушать, тогда только и будутъ удовлетворены нужды старообрядцевъ. Это ясно. Это показываетъ все прошлое старообрядцевъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ долголѣтнія угнетенія ихъ старымъ правительствомъ. При старыхъ порядкахъ они были лишены всѣхъ правъ — даже правъ свободно мо-

литься. При старыхъ порядкахъ правительство вмѣшивалось въ дѣла совѣсти старообрядцевъ; новое правительство, правительство народное, конечно, этого не будетъ дѣлать. А потому старообрядцы, какъ и всѣ прочія русскіе граждане, заинтересованы въ введеніи новыхъ порядковъ, которые устранили бы всѣ существующія неурядицы русской жизни.

И они должны тщательно обдумать, за кого имъ подавать свои голоса на выборахъ въ Государственную Думу.

Въ Россіи существуетъ нѣсколько политическихъ партій т.-е. обществъ, въ которыя объединяются извѣстное число людей одинаково мыслящихъ для болѣе успѣшнаго достиженія своей цѣли. По пословицѣ: „одинъ въ полѣ — не воинъ“, эти люди сговариваются, какъ имъ дѣйствовать и кого выбирать въ Государственную Думу. Единеніе — сила. Такъ какъ по нынѣшнему закону населеніе избираетъ не прямо членовъ Государственной Думы, а лишь выборщиковъ, которые уже окончательно выбираютъ народныхъ представителей въ Думу, то партіи наши намѣчаютъ изъ числа имѣющихъ право по закону быть избирателями нѣсколько лицъ въ выборщики. За этихъ выборщиковъ партія какъ бы отвѣчаетъ. И, конечно, большинство избирателей, не записанныхъ въ партіи, подаютъ свои голоса именно за тѣхъ выборщиковъ, которыхъ выставила партія, наиболѣе близкая имъ. При иныхъ условіяхъ голоса лишь разобьются, и легко въ члены Государственной Думѣ пройдутъ лица, далеко не желательныя большинству населенія. Такимъ образомъ каждому избирателю приходится неминуемо познакомиться съ существующими партіями.

Какая же изъ нашихъ политическихъ партій наиболѣе подходитъ старообрядцамъ? Есть у насъ, между про-

чимъ, такъ называемый союзъ „истинно-русскихъ людей“. Члены этого союза, называющія себя „русскими людьми“, за послѣднее время стали обращать большое вниманіе на старообрядцевъ. Имъ очень хочется, чтобы старообрядцы записались въ этотъ союзъ. Нѣкоторые старообрядцы даже совратились уже и поступили въ союзъ „русскихъ людей“, но думается, что лишь по недоразумѣнію или по какимъ-нибудь личнымъ выгодамъ. Въ самомъ дѣлѣ, союзъ такъ называемыхъ „русскихъ людей“ является врагомъ старообрядчества, и если онъ заигрываетъ съ ними теперь, то, конечно, исключительно съ цѣлью привлечь къ своимъ кандидатамъ побольше голосовъ. Старообрядцы, пошедшіе съ союзомъ, будутъ обмануты въ своихъ надеждахъ. Для старообрядцевъ, претерпѣвшихъ отъ правительства при старыхъ порядкахъ такъ много горя и страданій, прежде всего нужна свобода вѣры. При сохраненіи старыхъ порядковъ этой свободы невозможно получить, о чемъ говоритъ все прошлое старообрядчества. Старообрядцы въ своей тяжелой жизни получали облегченія лишь тогда, когда начинались разговоры о введеніи новыхъ порядковъ — конституціи, т.-е. народнаго правленія.

Между тѣмъ союзъ „русскихъ людей“ какъ разъ стоитъ за сохраненіе старыхъ порядковъ, того строя, при которомъ старообрядцевъ лишь жестоко гнали и преслѣдовали. Онъ стоитъ за сохраненіе въ полной силѣ самодержавно-чиновничьяго строя. Онъ не признаетъ манифестовъ 17 апрѣля и 17 октября. Онъ полагаетъ нужнымъ ихъ отмѣнить, т.-е. онъ стоитъ за отмѣну тѣхъ указовъ, которые дали странѣ свободу вѣры и призвали народныхъ представителей къ участію въ управленіи государствомъ. Союзъ, „русскихъ людей“ не признаетъ свободы совѣсти, права каждаго человѣка вѣрить въ

Бога по собственному разумѣнію. По убѣжденію тѣхъ, которые называютъ себя „русскими людьми“, союзъ самодержавія и государственной церкви долженъ остаться ненарушимымъ, т.-е, попрежнему церковь должна быть всецѣло подчинена государству. Только члены государственной церкви, защитники самодержавно-чиновничьяго строя могутъ считаться „истинно-русскими людьми“, и только для нихъ однихъ должны существовать различныя преимущества.

Врядъ ли намъ надо послѣ всего разсказаннаго еще разъ говорить о невозможности для старообрядцевъ получить столь дорогой для нихъ свободы вѣроисповѣданія при сохраненіи старыхъ порядковъ. Свободы вѣры подъ опекой полицейскихъ чиновниковъ не можетъ быть. Повторяемъ, что это свидѣтельствуетъ все наше прошлое. Между тѣмъ союзъ „русскихъ людей“ хочетъ, во что бы то ни стало, сохранить эту опеку. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ священникъ Потѣхинъ въ „Миссіонерскомъ Обозрѣніи“ — журналѣ, который издаетъ чиновникъ особыхъ порученій при синодальномъ оберъ-прокурорѣ г. Скворцовъ, лицо, слишкомъ хорошо извѣстное старообрядцамъ по своей миссіонерской дѣятельности: „Мы благословляемъ государственную власть въ Россіи, которая, начиная отъ помазанника Божія, благочестиваго царя нашего, и кончая слугами его, всѣми этими губернаторами, судьями, исправниками, становыми, идетъ на помощь церкви“. Старообрядцы на себѣ слишкомъ хорошо испытали, что значитъ эта опека со стороны исправниковъ, становыхъ и урядниковъ. „Миссіонерское Обозрѣніе“, натравливавшее всегда правительственную власть на старообрядцевъ, поносившее ихъ, благословляетъ урядниковъ, охраняющихъ неприкосновенность государственной церкви. Неужели могутъ съ этимъ согласиться ста-

рообрядцы? Итти съ „русскими людьми“ значитъ итти рука объ руку съ врагами. Такое сосѣдство слишкомъ опасно. И огромное большинство старообрядцевъ, конечно это понимаютъ и поэтому союзъ „русскихъ людей“ до послѣдняго времени успѣха у нихъ не имѣлъ.

Еще въ концѣ 1905 года, когда союзъ русскихъ людей впервые пытался завлечь старообрядцевъ въ свои сѣти, въ Москвѣ по этому поводу было созвано многолюдное собраніе старообрядцевъ. И собраніе единодушно отвергло предложеніе союза. Это собраніе въ присутствіе нѣсколькихъ сотъ представителей разныхъ согласій и толковъ состоялось 27 ноября для выясненія отношенія московскихъ старообрядцевъ къ воззванію появившемуся незадолго передъ тѣмъ на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Въ этомъ воззваніи, напечатанномъ безъ всякой подписи отъ имени какого-то „союза старообрядцевъ“, всѣ старообрядцы приглашались вступить въ ряды „истинно-русскихъ“ людей и дать дружный отпоръ врагамъ отечества — измѣнникамъ и крамольникамъ, затѣвающимъ въ Россіи смуту. Измѣнниками и крамольниками назывались тѣ, которые болѣли о нуждахъ русскаго народа и хотѣли водворить на родинѣ законъ и свободу. Какъ только напечатано было въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ это воззваніе, тотчасъ же въ другихъ газетахъ появились опроверженія со стороны многихъ старообрядцевъ, отрицавшихъ существованіе того „союза старообрядцевъ“, о которомъ упоминалось въ воззваніи. Съ той же цѣлью было созвано и собраніе 27 ноября. То, что говорилось на этомъ собраніи, такъ интересно и важно (говорили исключительно представители старообрядческаго міра), что мы позволимъ себѣ напомнить еще разъ объ этихъ рѣчахъ [1]).

[1]) См. нашу книжку „Старообрядчество и освободительное движеніе“.

„Старообрядцы, конечно, знаютъ — сказалъ предсѣдатель собранія — что напечатанное на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ воззваніе, призывающее старообрядцевъ встать въ ряды враговъ освободительнаго движенія, исходитъ не изъ ихъ среды, это — воззваніе Грингмута и его сторонниковъ. Полиція старательно распространяетъ возваніе Грингмута къ старообрядцамъ. Если старообрядцы будутъ молчать, могутъ подумать, что старообрядцы сочувствуютъ программѣ „русскихъ людей“ и готовы „принять участіе въ черносотенныхъ союзахъ“. Вслѣдъ за этимъ выступило нѣсколько лицъ, подробно разобравшихъ воззваніе и отношеніе къ нему старообрядцевъ.

„Воззваніе призываетъ сплотиться противъ измѣнниковъ. Но кто же эти измѣнники? — спрашивалъ одинъ изъ говорившихъ. — Неужели тѣ самоотверженные труженики, которые отдавали свою жизнь за благо отечества и которыхъ наше правительство за смѣлое слово ссылало въ Сибирь, гноило по тюрьмамъ и крѣпостямъ? Передъ этими благородными борцами старообрядцы должны преклоняться, а не итти съ „Московскими Вѣдомостями. Измѣнники тѣ, кто довелъ Россію до настоящаго положенія, это — царскіе чиновники. Если старообрядцы, гонимые вѣками правительствомъ, получили теперь свободу вѣроисповѣданія, возможность открыто собираться и обсуждать свои нужды, то эту свободу дало имъ не теперешнее правительство, а то самое освободительное движеніе, ополчиться противъ котораго призываютъ нынѣ старообрядцевъ Грингмутъ и др.

„Высшее благо — свобода, и, чтобы получить ее, старообрядцы должны непосредственно примкнуть къ освободительному движенію, — говорилъ другой ора-

торъ. „Нынѣшнее правительство не желаетъ свободы, оно жестоко преслѣдовало всегда „раскольниковъ“ за религіозныя убѣжденія, и если оно дало старообрядцамъ теперь свободу, то съ цѣлью поработить ихъ, съ цѣлью привлечь ихъ въ настоящее тяжелое время на свою сторону. Но кто можетъ поручиться, что права, данныя старообрядцамъ, не могутъ вновь быть отняты при первомъ удобномъ случаѣ, какъ это было прежде. „Мы не только должны отречься отъ какого-либо участія въ „союзѣ старообрядцевъ“, но и публично заявить о своемъ сочувствіи тѣмъ, кто борется за свободу русскаго народа; довольно съ насъ и того позора, что нѣкоторые старообрядцы по невѣжеству или по чужому внушенію принимали участіе въ черносотенныхъ погромахъ. Мы сами должны выступить въ качествѣ дѣятелей освобожденія нашей родины отъ прежняго гнета, такъ какъ освободительное движеніе не достигло еще конечныхъ цѣлей. Права, обѣщанныя русскимъ гражданамъ манифестомъ 17-го октября, не осуществлены еще въ жизни: мы ежедневно видимъ проявленіе самаго грубаго произвола. Въ воззваніи Гринмута есть одно хорошее слово: „Воспрянь, русскій народъ“... да, воспрянь и не давай себя больше бить!

„Старообрядцы не могутъ не стоять за свободу, — свою любовь къ ней они уже доказали двухсотлѣтней борьбой съ правительствомъ, — говорилъ третій ораторъ.

Наконецъ, одинъ изъ говорившихъ доказывалъ, что старообрядцы, какъ истинные христіане, должны принять дѣятельное участіе въ политической жизни страны. Это, по его мнѣнію, требуетъ христіанское ученіе. „Міръ лежитъ во злѣ — говорилъ онъ, — и мы должны добиваться осуществленія здѣсь, на землѣ, царства Божія. Кто своимъ безмолвіемъ поддерживаетъ плохіе порядки,

тотъ идетъ противъ Христа. Каждый христіанинъ обязанъ преобразовать существующія между людьми отношенія въ духѣ высшей правды. Самъ Христосъ училъ борьбѣ.

„Современное политическое движеніе, направленное на освобожденіе отъ произвола нашей родины, не задается цѣлью мстить за прежнее насиліе, оно стремится къ правдѣ. Освободительное движеніе есть святое дѣло, дѣло Христа. Гдѣ свобода, тамъ духъ Божій. Не можетъ быть свободы тамъ, гдѣ существуетъ самодержавный строй, не можетъ быть свободы тамъ, гдѣ распятіе кощунственно превращено въ мечъ, призывающій къ братоубійственной войнѣ. Если признать необходимость безпрекословнаго подчиненія всѣмъ существующимъ властямъ, то выйдетъ, что первыми революціонерами всегда были старообрядцы, которые въ теченіе 250 лѣтъ не подчинялись незаконнымъ требованіямъ императорскаго правительства. Наконецъ, какимъ властямъ сейчасъ подчиняться: правительственной власти теперь въ сущности нѣтъ, мы чувствуемъ лишь власть народа. Къ правительству, какъ неоднократно мы видѣли, безполезно обращаться съ жалобами; мы должны лишь обращаться къ обществу и народу. Власти народа мы и будемъ подчиняться, а не той власти, которая насъ угнетала въ теченіе вѣковъ, а теперь угнетаетъ все русское общество“.

Въ заключеніе собраніе почти единогласно постановило: „Путемъ печати заявить о своемъ несогласіи съ воззваніемъ „Московскихъ Вѣдомостей“, идущимъ не изъ среды старообрядцевъ и оскорбляющимъ старообрядческое общество призывомъ встать въ ряды враговъ современнаго освободительнаго движенія. Собраніе выражаетъ горячее пожеланіе, чтобы Государственная Дума была созвана въ скорѣйшемъ времени для проведенія

въ жизнь началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября".

Такимъ образомъ первая попытка привлечь старообрядцевъ въ союзъ „русскихъ людей" кончилась полнѣйшей неудачей. Иного рѣшенія, впрочемъ, и не могло быть. Неужели старообрядцы могли бы пойти рука объ руку съ „Московскими Вѣдомостями", съ той газетой, которая за все время своего существованія, пожалуй, даже больше „Миссіонерскаго Обозрѣнія", натравливала и правительственную власть, и населеніе на старообрядцевъ? Неужели могли бы забыть старообрядцы тѣ поношенія, которыя изо дня въ день появлялись въ газетѣ Грингмута и повѣрить въ ея дружбу? Смѣшны были тѣ, которые надѣялись обмануть старообрядцевъ.

Однако отпоръ, полученный союзомъ „русскихъ людей" отъ старообрядцевъ, не охладилъ рвеніе нѣкоторыхъ изъ его дѣятелей. Черезъ годъ вновь возобновились попытки привлечь старообрядцевъ къ союзу „истинно-русскихъ людей". Усиленно объ этомъ заботился въ Москвѣ нѣкій полковникъ Колонтаевъ, объединившій около себя кружокъ лицъ, въ составъ котораго вошли и нѣкоторые представители старообрядческаго міра. Самъ полковникъ Колонтаевъ, какъ сообщали въ свое время газеты, перешелъ въ старообрядчество и за короткій срокъ успѣлъ перемѣнить нѣсколько согласій. Изъ кого же состоитъ группа „колонтаевцевъ", взявшая не себя якобы защиту интересовъ старообрядцевъ? Одинъ фактъ изъ недавняго прошлаго покажетъ, насколько можно довѣрять этимъ новымъ старообрядческимъ дѣятелямъ. Когда въ Петербургѣ 29 сентября 1906 г. было созвано особое совѣщаніе при участіи выборныхъ старообрядческаго общества для сужденія о новомъ законѣ 17-го октября о старообрядческихъ общинахъ, на это совѣщаніе попалъ

и Колонтаевъ съ немногочисленными своими сторонниками. Всѣ наиболѣе просвѣщенные старообрядческіе дѣятели указывали на крупные промахи новаго закона, на то, что этотъ законъ предоставляетъ слишкомъ много власти администраціи и полиціи, т.-е. они указывали на тѣ самые недостатки, которые были выше и нами указаны. Старообрядческіе дѣятели указывали на уставъ общинъ, выработанный на съѣздѣ представителей старообрядцевъ въ Н. Новгородѣ. Одинъ Колонтаевъ былъ противъ. Онъ хлопоталъ о томъ, чтобы правительство вообще не спѣшило съ разрѣшеніемъ на учрежденіе общинъ, доказывая ненужность этихъ общинъ старообрядцамъ, которые довольны вполнѣ и старыми порядками. Полковникъ Колонтаевъ выступалъ на совѣщаніи старообрядцевъ въ качествѣ уполномоченнаго московскаго архіепископа Іоанна. Какъ выяснилось затѣмъ, объ этомъ уполномочіи дѣйствительно полковникъ Колонтаевъ просилъ архіепископа, но „никакой довѣренности на ходатайство передъ правительствомъ не получилъ“... Вотъ и надѣйся послѣ этого на такихъ представителей!

Все, что мы сказали о дѣятельности полковника Колонтаева, было разоблачено издававшейсявъ Москвѣ газетой „Голосомъ Старообрядца“, при участіи самыхъ видныхъ представителей старообрядчества. Тогда „колонтаевцы“ повели нападеніе на „Голосъ Старообрядца“ и издававшуюся съ нимъ вмѣстѣ „Народную Газету“. Они просили администрацію запретить эти газеты за вредное направленіе, т.-е. за то, что они разоблачили поступки „колонтаевцевъ“. Просьба ихъ была уважена, и газета закрыта. Еще усиленнѣе стали работать тогда тѣ, которые хотѣли завлечь старообрядцевъ въ союзъ „русскихъ людей“, разсылая воззванія и пр. Но до настоящаго времени ихъ работа была почти безуспѣшна.

Немногіе откликаются на призывъ враговъ встать въ ихъ ряды. Надѣемся, что такъ будетъ и впредь.

Одно время среди старообрядцевъ получилъ извѣстность „союзъ 17-го октября“. Къ этому союзу примкнули было и нѣкоторые представители старообрядцевъ. Какъ показываетъ само названіе, „союзъ 17-го октября“ образовался уже послѣ извѣстнаго манифеста о свободахъ. Онъ долженъ былъ объединить около себя людей, сочувствующихъ началамъ, возвѣщеннымъ въ манифестѣ. И когда правительство говорило о вредѣ старыхъ порядковъ и о введеніи конституціи, то же говорилъ и союзъ.

Когда правительство пошло назадъ и постепенно стало отбирать сдѣланныя было уступки, вмѣстѣ съ нимъ пошелъ и „союзъ 17-го октября“. „Октябристы“, какъ называютъ членовъ этого союза, сдѣлались членами правительственной партіи. Они продолжаютъ говорить о свободахъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября, но это лишь слова. На дѣлѣ они являются его противниками. Они одобряютъ все, что дѣлаетъ нынѣшнее правительство. А все поведеніе правительства за послѣднее время — сплошное нарушеніе манифеста. Можетъ ли тотъ, кто готовъ уже теперь въ любомъ случаѣ нарушать законы, которые должны лечь въ основу обновленной Россіи, содѣйствовать прочному установленію въ жизни этихъ законовъ? Нарушеніе законовъ при старомъ порядкѣ было главнѣйшимъ зломъ для старообрядцевъ. Поэтому „союзъ 17-го октября“, какъ правительственная партія, не можетъ обезпечить свободу совѣсти старообрядцамъ. И лучшіе старообрядцы, которые было записались въ этотъ союзъ, вышли изъ его состава. Кто пойдетъ на выборахъ съ „союзомъ 17-го октября“, тотъ лишь будетъ поддерживать старые порядки, при которыхъ тяжко приходилось старообрядцамъ.

Среди другихъ партій, какъ кажется намъ, наиболѣе близка по духу старообрядцамъ — партія „народной свободы“. Эта партія ставитъ своею задачею путемъ работы народныхъ представителей въ Государственной Думѣ добиться въ Россіи водворенія права и законности. Въ прочномъ установленіи народнаго правленія партія видитъ единственное средство успокоить страну и водворить въ ней порядокъ. Она считаетъ необходимымъ, чтобы въ выборахъ принимало участіе все населеніе, дабы народные избранники являлись представителями дѣйствительно русскаго народа, а не отдѣльныхъ группъ населенія. Партія стоитъ за всеобщее избирательное право. Народные представители, по ея мнѣнію, должны пользоваться полнотой законодательной власти, т.-е. ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ безъ одобренія народныхъ представителей. Партія полагаетъ, что министры должны быть отвѣтственны передъ собраніемъ народныхъ представителей. О важности этой отвѣтственности можно судить хотя бы даже на основаніи прошлаго старообрядчества. Вспомнимъ, какъ циркуляры министровъ въ концѣ концовъ совершенно уничтожали въ жизни законы, дававшіе хоть небольшія льготы старообрядцамъ. Напримѣръ, законъ 3 мая 1883 года.

Считая необходимымъ устроить народную жизнь на началахъ свободы и возможнаго равенства, партія высказывается за широкія преобразованія хозяйственнаго быта населенія. Она полагаетъ необходимымъ снять съ бѣднѣйшихъ слоевъ населенія податныя тяготы, а поэтому ввести подоходный налогъ, т.-е. поимущественное обложеніе, и понизить косвенные налоги на предметы потребленія народныхъ массъ, такъ какъ на эти массы косвенные налоги ложатся наиболѣе тяжелымъ бременемъ. Она считаетъ необходимымъ надѣлить безземель-

ныхъ и малоземельныхъ крестьянъ землей, отчуждая въ пользу государства казенныя, удѣльныя и монастырскія земли, а также въ потребныхъ размѣрахъ частновладѣльческія земли съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ за отчуждаемыя земли. Она озабочивается и улучшеніемъ условій наемнаго труда, просвѣщенія народа, введенія независимаго суда и т. д.

Въ программѣ партіи „народной свободы“ подробно говорится о тѣхъ преобразованіяхъ, которыя она считаетъ необходимымъ провести черезъ Государственную Думу въ ближайшее время. На ряду съ свободой слова, собраній, союзовъ, печати партія, конечно, признаетъ и полную свободу совѣсти. Свободу совѣсти она понимаетъ такъ, какъ мы опредѣлили ее раньше. Дѣла вѣры не должны подлежать государственной опекѣ. Каждый гражданинъ можетъ открыто исповѣдывать свои убѣжденія и распространять ихъ. Государству нѣтъ дѣла до религіозныхъ убѣжденій гражданъ, государство обязано лишь слѣдить, чтобы никто не нарушалъ религіозной свободы другихъ и чтобы кто-нибудь во имя религіи не совершалъ преступленій, предусмотрѣнныхъ общими уголовными законами. „Партія народной свободы“ стоитъ за полное отдѣленіе церкви и государства, за равноправіе всѣхъ религій. Повторяемъ, государство, т.-е. правительственная власть, не можетъ рѣшать вопроса, чья вѣра истиннѣе. Она должна охранять всѣ вѣры безъ исключенія. У насъ, въ Россіи государственная церковь пользуется, какъ извѣстно, особыми преимуществами передъ другими. Напримѣръ, въ то время какъ старообрядчество преслѣдуется, господствующая церковь получаетъ поддержку не только въ видѣ полицейскаго содѣйствія, но и въ видѣ денежныхъ пособій. Государство отпускаетъ каждый годъ много милліоновъ на поддержку господствующей

церкви. Это несправедливо. Деньги въ казнѣ — деньги народныя, собираются путемъ податей съ гражданъ безъ различія вѣроисповѣданія. И выходитъ такимъ образомъ, что старообрядецъ долженъ платить на содержаніе и поддержку господствующей церкви! Справедливѣе было бы, конечно, установить такимъ образомъ, чтобы ни одна церковь не пользовалась поддержкой со стороны государства. Сами вѣрующіе могутъ образовывать общества и за свой счетъ отправлять богослуженіе, содержать наставниковъ и т. д. Такъ это дѣлается теперь во всѣхъ вѣроисповѣданіяхъ, не принадлежащихъ къ господствующей церкви. И вѣрующіе, которые дѣйствительно интересуются дѣлами своей церкви, сами позаботятся о ея преуспѣваніи. Старообрядцевъ государство не поддерживаетъ, и тѣмъ не менѣе старообрядческая церковь стоитъ высоко.

Къ такому положенію и будетъ стремиться партія „народной свободы“ т.-е. она будетъ стремиться къ тому, чтобы вѣра была объявлена частнымъ дѣломъ; чтобы правительство не поддерживало никакой церкви, чтобы не было официальной государственной церкви, которая считалась бы господствующей и пользовалась бы преимуществами передъ другими. Пусть та церковь будетъ господствовать, которая имѣетъ наибольшее число послѣдователей; пусть она господствуетъ своей нравственной силой, а не черезъ поддержку со стороны государства! Къ достиженію такого равенства и будетъ стремиться „партія народной свободы“. Однако она не считаетъ возможнымъ достичь сразу всѣхъ этихъ преобразованій. Господствующая церковь за долгіе годы прошлаго слишкомъ срослась съ государствомъ. Нѣтъ возможности поэтому сразу провести то отдѣленіе церкви отъ государства, которое было бы желательно для партіи „народной

свободы". Сохраняя поэтому *на первое время* существующую поддержку со стороны государства церкви, искони признанной господствующей, партія „народной свободы" будетъ стремиться къ уничтоженію этого. Уничтожая опеку государства надъ церковью, партія считаетъ, что господствующая церковь должна организоваться по собственному усмотрѣнію на началахъ соборности, согласно ученію самой церкви. На первое время партія считаетъ необходимымъ обратить главное вниманіе на то, чтобы другія вѣроисповѣданія не были стѣснены. Сохраняя поддержку на время государственной церкви, партія въ то же время предоставляетъ полную свободу вѣроисповѣданія другимъ.

Первая Государственная Дума, какъ всѣмъ извѣстно, состояла преимущественно изъ членовъ партіи „народной свободы". Члены Думы внесли въ свое время проектъ закона, который долженъ былъ обезпечить всѣмъ русскимъ гражданамъ свободу совѣсти. Указывая, что вплоть до настоящаго времени, несмотря на объявленіе указомъ 17 апрѣля свободы вѣры, эта свобода на дѣлѣ не осуществилась, члены Думы, внесшіе проектъ, предлагали пересмотрѣть существующее законодательство, исходя изъ слѣдующихъ положеній:

1. Каждому гражданину Россійской имперіи обезпечивается свобода совѣсти. Посему пользованіе гражданскими и политическими права не зависитъ отъ вѣроисповѣданія, и никто не можетъ быть преслѣдуемъ и ограничиваемъ въ какихъ бы то ни было правахъ за убѣжденія въ дѣлахъ вѣры. (Всѣ узаконенія, ограничивающія гражданскія и политическія права лицъ, принадлежащихъ къ тѣмъ или инымъ вѣроисповѣданіямъ, отмѣняются).

2. Всѣ существующія и вновь образующіяся въ Россійской имперіи вѣроисповѣданія пользуются въ оди-

наковой мѣрѣ свободой богослуженія и отправленія религіозныхъ обрядовъ, а также проповѣдыванія и распространенія своихъ ученій, поскольку при осуществленіи этой свободы не совершается дѣяній, предусмотрѣнныхъ общими уголовными законами.

3. Никто не можетъ быть силой государственной власти принужденъ принадлежать къ какому-либо исповѣданію или исполнять обязанности, вытекающія изъ принадлежности къ какому-нибудь вѣроисповѣдному обществу, или совершать религіозныя дѣйствія, или участвовать въ обрядахъ какого-нибудь вѣроисповѣданія и т. д.

Мы взяли только три пункта проекта, внесеннаго въ Государственную Думу, потому что остальныя положенія, какъ, напримѣръ, право безпрепятственнаго устройства религіозныхъ обществъ и пр., вытекаютъ изъ этихъ трехъ. Мы видимъ, что въ этомъ законопроектѣ дѣйствительно осуществляется свобода совѣсти; имъ совершенно уничтожаются препятствія, мѣшавшія старообрядцамъ пользоваться свободой вѣры. Къ сожалѣнію, Государственной Думѣ не пришлось даже разсмотрѣть закона о свободѣ совѣсти. Дума была распущена...

Второй Государственной Думѣ вновь предстаитъ заняться разсмотрѣніемъ закона о свободѣ совѣсти. Разработка его по плану, предложенному партіей народной свободы, будетъ лишь въ интересахъ старообрядчества.

Быть можетъ, самымъ больнымъ мѣстомъ для старообрядцевъ является отсутствіе свободы вѣра, но у нихъ есть, конечно, и другія нужды; народныя нужды однѣ и тѣ же безъ различія вѣроисповѣданія. И всѣ другія требованія, выставленныя партіей народной свободы отвѣчаютъ этимъ нуждамъ. Представители старообрядческаго общества, въ сущности говоря, сами это

признали. Постановленія, сдѣланныя на послѣднихъ старообрядческихъ съѣздахъ, близки партіи „народной свободы“. На январьскомъ съѣздѣ въ Москвѣ (1906 г.) было постановлено, что старообрядцы не должны голосовать за тѣхъ кандидатовъ въ Государственную Думу, которые хотятъ возврата къ прежнему приказому строю, причинившему столько зла всему русскому народу; старообрядцы должны поддерживать на выборахъ тѣхъ гражданъ, которые являются сторонниками Государственной Думы, пользующейся законодательной властью.

Избрана Дума должна быть отъ всего народа т.-е. на основаніи всеобщаго избирательнаго права. Старообрядцы примиряются съ изданными нынѣ правилами о выборахъ потому, что дальнѣйшее развитіе избирательнаго права будетъ всецѣло зависѣть отъ усмотрѣнія самой Думы. Они будутъ добиваться отмѣны всѣхъ сословныхъ преимуществъ и установленія въ государствѣ такого правопорядка, при которомъ каждый найдетъ законную защиту отъ произвола: они стоятъ за свободу слова, печати, совѣсти, собраній и союзовъ. Они стоятъ за демократическое мѣстное самоуправленіе; находятъ, что въ первой уже очереди своихъ работъ Государственная Дума должна надѣлить крестьянъ землей при помощи государства и при условіи вознагражденія по справедливой оцѣнкѣ частныхъ собственниковъ за тѣ земли, которыя подлежатъ передачѣ крестьянамъ; вопросъ фабричнаго и рабочаго быта Государственная Дума должна рѣшить сообразно справедливымъ желаніямъ рабочихъ и примѣнительно къ тѣмъ порядкамъ, которые уже существуютъ въ благоустроенныхъ государствахъ съ развитой промышленной жизнью.

Въ февралѣ того же года на съѣздѣ крестьянъ-старообрядцевъ въ Москвѣ былъ болѣе подробно раз-

работанъ вопросъ объ отношеніи старообрядцевъ къ рѣшенію земельнаго вопроса. Всѣ рѣчи уполномоченныхъ на съѣздѣ касались самаго больного для крестьянина вопроса о малоземельѣ, и съѣздъ подавляющимъ большинствомъ принялъ рѣшеніе, гласящее о необходимости для улучшенія крестьянскаго благосостоянія дополнительнаго надѣленія землей, путемъ принудительнаго отчужденія казенныхъ, удѣльныхъ и крупновладѣльческихъ земель.

Разрѣшая постановку аграрнаго вопроса, съѣздъ попутно затронулъ и вопросы, касающіеся мѣстнаго самоуправленія: всесословная волость и всесословный общій судъ, упраздненіе должности земскихъ начальниковъ, уничтоженіе административныхъ взысканій — таковы были постановленія въ этой области.

Большинство указанныхъ постановленій отвѣчаютъ и требованіямъ партіи народной свободы. Поэтому мы и говоримъ, что эта партія близка старообрядцамъ.

Есть и другія партіи, — которыя считаютъ свободу совѣсти, какъ и партія народной свободы, неотъемлемымъ правомъ каждаго русскаго гражданина. Число этихъ партій все увеличивается. И это понятно. Мнѣнія по отдѣльнымъ вопросамъ слишкомъ различны. Каждый думаетъ по-своему. Несомнѣнно, всѣ такъ называемыя соціалистическія или крайнія партіи отстаиваютъ идею свободы совѣсти. Имъ также дороги народныя нужды. Но далеко не со всѣми этими партіями могутъ итти старообрядцы. Часто эти партіи ставятъ своей задачею достиженіе того, что можетъ быть осуществлено лишь въ далекомъ будущемъ. Они какъ бы забываютъ, что міръ нельзя перевернуть однимъ взмахомъ. Часто средства, которыя онѣ употребляютъ для достиженія своихъ цѣлей, ошибочны: они отрицаютъ важ-

ность и необходимость извѣстной постепенности въ преобразованіяхъ и стремятся къ коренной ломкѣ, къ уничтоженію всего стараго. Часто эти средства не приближаютъ времени наступленія свободы, а лишь отдаляютъ его. Партія народной свободы выставляетъ лишь то, что можетъ быть достигнуто въ ближайшее время, что нужно русскому гражданину, какъ воздухъ, безъ котораго онъ не можетъ жить. И при такомъ разнообразіи и количествѣ партій, какъ въ наше время, особенно опасно дробить голоса. Это можетъ повлечь самыя горькія послѣдствія. Въ Государственную Думу могутъ случайно попасть люди, преслѣдующіе свои корыстныя цѣли. Народными представителями сдѣлаются враги народа. Это долженъ помнить каждый русскій гражданинъ, желающій блага своей изстрадавшейся родинѣ. Должны это помнить и старообрядцы. Они должны помнить, что ихъ ближайшее будущее зависитъ отъ того, кто попадетъ въ Государственную Думу, слѣдовательно, зависитъ отъ нихъ самихъ. Сами старообрядцы до извѣстной степени будутъ виноваты, если не добьются теперь свободы совѣсти, которой были лишены 250 лѣтъ и которую могутъ теперь получить.

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. Значеніе старообрядчества въ народной жизни 3
II. Первые годы и время Петра I. 7
III. Конецъ XVIII и начало XIX вѣка 14
IV. Гоненія въ царствованіе Николая I 24
V. 60—70-ые годы 33
VI. Законъ 3 мая 1883 г. и послѣдующее время 39
VII. Новые пріемы борьбы со старообрядцами. 43
VIII. Наканунѣ свободы. 49
IX. Церковь и государство. 60
X. Свобода совѣсти и политическія партіи. 67

Того же автора.

Церковь и государство въ Россіи (къ вопросу о свободѣ совѣсти). Съ 16 иллюстраціями въ текстѣ. Сборникъ статей. Ц. 50 к.

Старообрядчество и освободительное движеніе. Ц. 6 к.

Общедоступныя.

Свобода вѣры въ Россіи. Ц. 3 к.

Передъ церковнымъ соборомъ. Ц. 3 к.

Духоборы (печатается).

Великій подвижникъ протопопъ Аввакумъ (съ рисунками). Ц. 5 к.

Прошлое старообрядцевъ: 1) Подъячій Докукинъ; 2) Стрѣлецкій бунтъ. Съ 12 рисунками. Ц. 15 к.

Когда старообрядцы получатъ свободу вѣры? (распродано).

Старообрядческія и сектантскія общины. (Законъ 17 октября 1906 г.) Ц. 15 к.

Старообрядцы и свобода совѣсти. Ц. 20 к.